

КНИГА

11

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ВЪ РАЗДВИНУТОЙ
ДАЛИ

ПОЭМА О РОССИИ

БЕЛГРАДЪ

1930

1021
К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

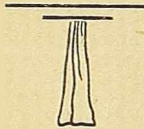
Другу России, Русской науке
и Русского слова,
зимою и дорогому
Александру Ивановичу
Белицу,
съ преданностью искренней

Кандриковъ.
1930. 2 февраля.

К. Балмонтъ.

Въ Раздвинутой Дали.

Поэма о Россii.

1929.

Печатается въ количествѣ 2 000 экземпляровъ.

H. Bastmon

Уйти туда.

Уйти туда, гдѣ бьются струи
Въ знакомый брегъ,
Гдѣ зналъ впервые поцѣлуи
И первый снѣгъ.
Гдѣ въ первый разъ взошелъ подснѣжникъ
На крутомъ,
Гдѣ, подъ ногой хрустя, валежникъ
Пропѣлъ стихомъ.
Гдѣ звукъ жужжанья первой мухи,
Въ концѣ зимы,
Какъ лучъ въ дивующемся слухѣ,
Разъялъ всѣ тьмы.
Гдѣ яркимъ сномъ былинной были
Намъ громы вдругъ
Молниеносно тучу взрыли,
Какъ черный лугъ.
Изъ тучевого луга книзу,
Рѣшивъ: „Пора!“,
Метнули злата въ Божью ризу
И серебра.
Уйти — уйти — уйти — въ забвенье.
Въ тотъ вѣкъъ святой,
Уйти туда — хоть на мгновенье,
Хотя мечтой.

Х о ч у

Хочу густого духа
Сосны, березъ и елей.
Хочу, чтобъ пѣли глухо
Взвыванія мятелей.
Пастухъ пространствъ небесныхъ,
О, вѣтеръ далей Русскихъ,
Какъ здѣсь усталъ я въ тѣсныхъ
Чертахъ запашекъ узкихъ.
Давно душа устала
Не видѣть, какъ цвѣтками
Дрема владѣетъ ало
Безмѣрными лугами.
Пойти по косогору,
Рѣкою многоводной,
Молиться водамъ, бору,
Землѣ, ни съ чѣмъ несходной.
Узнай всѣ страны въ мѣрѣ,
Измѣрь пути морскіе,
Но нѣтъ вольнѣй и шире,
Но нѣтъ нѣжнѣй — Россіи.
Всѣ славы — мнѣ погудки.
Въ нихъ душно мнѣ и вязко.
Родныя забудки —
Единственная сказка.
Ребячьи мнѣ игрушки —
Красоты, что не наши.

Напѣвъ родной кукушки —
Вино бездонной чаши.
Уютной, ветхой няни
Поетъ жужжанье прялки.
Цвѣтутъ въ лѣсномъ туманѣ
Ночныя намъ фіалки.
Отъ Сѣвера до Юга,
Съ Востока до Заката —
Икона пашни, луга,
Церковность аромата.
Пасхальной ночи верба —
Раскрывшаяся тайна,
Возстанье изъ ущерба
Для жизни, что безкрайна.
Лишь тотъ, кто зналъ морозы
И выюжное круженье,
Войдетъ въ такія грозы,
Гдѣ громы — откровенье.
Лишь нами — нами — нами
Постигнуто въ пустынь,
Какъ пѣть колоколами
Отъ вѣка и донынѣ.
Кто жаждетъ благолѣпій,
Въ чьемъ сердцѣ звучны хоры,
Тому — отъ Бога — степи,
Ему — лѣса и горы.
Хочу моей долины
И волей сердца знаю,
Что путь мой соколиный —
Къ Единственному Краю.

З н а к ъ .

Какъ знакъ, Олегъ свой щитъ прибиль къ вра-
тамъ Царьграда.

Пусть на мгновения простерты въ прахъ мы,
Нашъ самый жаркій лучъ хранимъ въ снѣгахъ
зимы,

И нашъ июльскій лугъ — цвѣтная пышность сада.

Судьба сковала цѣпь. Мертвящая ограда
Стѣснила весь нашъ край глухой стѣнной тюрьмы.
Но Солнце мѣдное плыветъ изъ черной тьмы,
Чтобъ брызнуть золотомъ, какъ ^вчасъ рѣшить:
„Такъ надо!“

Трехцвѣтнымъ знаменемъ овѣянь Океанъ,
Гдѣ льды пловучіе и бѣлые медвѣди,
Мы Море теплое причтемъ къ своей побѣдѣ.

Такъ рѣшено въ вѣкахъ. Намъ будетъ мигъ
тотъ данъ.

Намъ говоритъ герой, весь кованный изъ мѣди,
Что Имя Русское — глубинный талисманъ.

Бубень.

Въ мѣдный бубень ударяя,
Звонко сокола онъ пѣлъ.

„Птица-пламя, птица-злая,
Птица-Солнце, соколъ смѣлъ.

„Онъ въ горячемъ перелетѣ
Сразу небо пресѣчетъ.
Съ нимъ добыча на охотѣ —
Въ полный мѣсяць — полный счетъ

„Мѣсяць — срѣзанная щепка —
Счетъ добычи безъ него.

Бьетъ онъ мѣтко, бьетъ онъ крѣпко,
Не пропуститъ никого.

„Онъ не долго вѣдалъ руку,
Призакрытый клобучкомъ.
Знаетъ мѣткую науку —
Громомъ падать надъ врагомъ.

„Заяць рябью мѣтитъ тропы,
Путь для цапли — вышина,
Вѣтеръ — въ бѣгѣ антилопы,
Отъ него имъ смерть — одна.

„Голубь гулиль-тикаль-токаль,
Млѣль — что синь на ярлыкѣ.
Чуть мелькнулъ мой бѣлый соколъ,
Голубь — вотъ въ моей рукѣ.

„Не продамъ я птицу эту,
Дорожишься, путникъ, зря.
Онъ былъ посланъ Баязету,
Въ выкупъ Франкскаго царя.

„Кубла-Ханъ передукавилъ
Съ нимъ — три тысячи лисиць.
Самъ Персидскій шахъ возславиль
Хватку - молнію межъ птицъ.

„Впился въ Индіи онъ съ маху
Въ крѣпковую кабану.
Ты даешь мнѣ денегъ? Праху?
Лучше я продамъ жену“.

Такъ Киргизъ напѣвъ сугубый
Вдругъ нашель, чтобъ мнѣ пропѣть.
И, смѣясь, бѣлѣли зубы,
Златомъ въ бубнѣ рдѣла мѣдь.

Зыкомъ въ небѣ многотрубно
Вскликнулъ голосъ журавлей.
Звуки пѣсни, всплески бубна
Воскрылялись все свѣтлѣй.

Зависть къ дикому Киргизу
Я учуялъ, весь горя,
Въ часъ какъ въ огненную ризу
Облеклась въ степи заря.

Р у с ь.

Въ сердцѣ чувство древней были,
Быта, бывшаго вѣка,
Звонъ лѣсного родника,
Трепетъ вѣющихъ воскрылій,
Достиженья безъ усилій,
Силой зрящаго зрачка,
Силой радованья волѣ.
Лѣсь мнѣ выкорчевать, что-ли?
Весь? Дремучій? Древній? Что-жь!
Мнѣ для хлѣба нужно поле.
Лѣсь — богатство. Лѣсь — хорошъ.
Да просторъ получше, вдвое.
Нужно поле мнѣ ржаное
И надрѣчный строй станицъ.
Степь нужна для лета птицъ.
Отодвину вѣчевое
И нѣмотное, лѣсное
Царство бѣлокъ и куницъ.
Я хочу не тропокъ тѣсныхъ,
Не однѣхъ лѣсныхъ криницъ,
Это мнѣ давно знакомо —
Повсемѣстно быть какъ дома
И нигдѣ не быть въ дому.
Въ домѣ — въ гробѣ. Жить-ли въ склепѣ?
Этотъ жребій слишкомъ строгъ.
Я люблю разбѣгъ дорогъ.

Манить степь? А я за степи!
На утесистый отрогъ.
Кличеть друга гулкій рогъ.
А когда мой зовъ не брата
И не друга пробудиль, —
А когда орла орлята
Воплемъ кличуть къ мѣрѣ силъ,
Ринусь я на супостата,
Онъ-ли, я-ли, но со ската
Путь — до пропастныхъ могиль.
И широко, и богато
Раскрывается просторъ.
Синь, синѣ дальнихъ горъ,
Даль, воздушнѣй, зеленѣ,
Чѣмъ вѣтвистая затѣя,
Что затѣяль гулкій боръ.
Тоже чащи, но иныя,
Пѣной вѣнчаны, сквозныя,
Изумрудный блескъ и хоръ,
Валь за валомъ, клонять выи
И заводятъ разговоръ,
Говорятъ, что, кто въ просторѣ
Сердцемъ все завоевалъ,
Долженъ день свой бросить въ Море,
Ночью въ сердце приметъ валь.
Такъ, я — Русь. И все я знаю.
Русскій въ чемъ же не бываль?
Какъ отъ края неба къ краю,
Разрѣзая бирюзу,
Мчится молнія въ грозу,
Я у самага Царь-Града
На вратахъ прибилъ свой щитъ.
Но того-ли Руссу надо?
Онъ не этимъ знаменить.
Впивши сглазъ и кличъ пространства, —

Крылья сокола легки, —
Бралъ я рубище въ убранство,
Мѣрилъ сердцемъ постоянство
Покаянья и тоски,
Власть—въ себя просторъ вмѣстившей—
Въ крестномъ знаменѣ застывшей,
Укротившейся руки.
Знаю я, побывши въ гулѣ,
За седьмой чужой горой,
Какъ собирать въ единый улей
Разныхъ пчелъ мохнатый рой, —
Какъ, подпавъ подъ вражьи ковы,
Заглянувъ далеко въ даль,
Опрокинуть рокъ суровый
Волей вѣрною какъ сталь.
Да, я Русскій. Знаю иго,
Что сцѣпляетъ триста лѣтъ.
Знаю мощь такого мига,
Что, когда душой пропѣтъ,
Сразу тьмы и рабства нѣтъ.
Вѣрю: Мнѣ предначертанье —
Все извѣдать до конца.
Черезъ пропасти страданья
Къ свѣту Божьяго лица.
Полной чашей своеволье
Я во времени испилъ.
Чась бѣжитъ. Мой часъ — бездолье.
Крѣпкій часъ мой — богомолье,
Накопленье новыхъ силъ.
И еще въ прозрачномъ взорѣ
Есть упоръ и крѣпль стропиль.
И еще увидятъ вскорѣ
Горы въ каменномъ уборѣ,
Поле, степь и лѣсъ, и Море,
Мракъ-ли, свѣтъ-ли побѣдилъ.

Подвижникъ Руси.

Въ глухомъ лѣсу, звеня, сосна,
Что выше и прямѣ ели,
Всегда побѣдно зелена,
Въ ней знакъ свирѣли и кудели.

Въ смиренномъ цвѣтѣ умудренъ,
Небеснаго прозрѣнья вѣжды,
Среди цвѣтовъ провидецъ — лень,
Онъ ткачъ завѣтной намъ одежды.

Среди безсмертныхъ въ славѣ рѣкъ,
Гудить въ насъ вѣщимъ звономъ Волга.
И вѣченъ древлій дровосѣкъ,
Верховнаго свершитель долга.

Смолистыхъ свѣжихъ стружекъ духъ,
Непререкаемое знанье,
Онъ Божій зракъ и Божій слухъ,
Благословеніе — дерзанья.

Исповѣдальная свѣча,
Его — какъ звукъ кадила — слово,
Что пламень праваго меча —
Свершенья Божьяго основа.

Россія — Русь. И, если рокъ
Велѣлъ, чтобъ налегла верига,

Судьбинный выполнивъ урокъ,
Пробей проломъ въ твердынѣ ига.

Изъ тихой бездны вѣтеръ мча,
Возсоздадимъ родныя клѣти,
И наша да горитъ свѣча
Въ Господней мглѣ тысячелѣтій.

Великой Русской Пасхи свѣтъ —
Отъ Неба принятое слово.
Святого Сергія завѣтъ
Въ рукѣ Дмитрія Донского!

Колоколь.

... Повелѣнїе положи и не мимо итеть...
Требникъ.

Голосъ Господень въ единой твердынѣ,
Гуломъ качается древле и нынѣ,
Возгласъ взрастающихъ великолѣпїй,
Слышный и въ темномъ подземномъ вертепѣ.

Кедры-ли горные радостнымъ звонамъ
Тайно не вяли въ безгласїи зеленомъ?
Море-ли синее, взбѣгами вала,
Гуламъ разгуднымъ, гремя, не внимало?

Вѣчно невѣрные, шаткіе люди
Не засвѣчались-ли въ праздничномъ гудѣ?
Возгласамъ мѣрнымъ, далеко звучащимъ,
Птицы внимали по стихнувшимъ чашамъ.

Колоколь вылить изъ мѣди, изъ красной,
Въ ней серебра есть зазвонъ сладкогласный,
Слиты металлы въ немъ, воли въ немъ слиты
Всѣ въ немъ копѣйки въ свой часть имениты.

Имя даятеля, пусть сокровенно,
Именемъ Бога гудить неизмѣнно,
Благовѣсть гулкїй, звучащая чаша,
Духъ нашъ, и путь нашъ, и Родина наша!

Крѣпь горькая.

Я сѣрю. Пыльная. Не злая.
Все же доброй быть мнѣ не дано.
Брызни мною въ хмѣль, — и я шальная,
Отравляя хлѣбное вино.

Путники тоскуютъ въ бездорожья,
Я качаюсь молча на степи.
Другъ до друга молвятъ дѣти Божьи: —
„Трудно жить. А ты, братъ, потерпи“.

На степяхъ безрадостно расту я.
Дуя, вѣтеръ свищетъ: „Не неволь!“
Солончакъ мерцаетъ, зло колдуя,
Земь, но сушь, и выцвѣтаетъ соль.

Слышала я слово отъ шайтана,
Будто я въ расцвѣтѣ хороша.
Пчелы не со мною утромъ рано,
Меду я не выдыхну, дыша.

Слышала я кличъ: „Сарынь на кичку!“
Хохотъ. Гикъ. Ватаги буйной гуль.
Видѣла, какъ птичку-невеличку
Беркутъ, ханъ орловъ, скогтивъ, сглонулъ.

А потомъ, съ гортаннымъ зычнымъ словомъ,
Половчанинъ беркута убилъ,
И стрѣлу перомъ тѣмъ беркутовымъ
Оперилъ къ разгрому Русскихъ силъ.

И погнали связанныхъ въ неволю,
Спотыкались въ путахъ малъ и старъ.
И росла по Дикому я Полю,
Черезъ степь смотрѣла на пожаръ.

Что вчера? Что завтра? Я не знаю.
Въ соръ одинъ всё мысли сплетены.
Я во снѣ, безъ мѣры и безъ краю,
Вопли пытки въ рокотѣ зурны.

Чуть Луна ущербленной горбушкой
Глянетъ, — Сатанинскій конченъ пиръ.
Гдѣ-то лѣсъ. Весна съ лѣсной опушкой.
Степь и крышка неба — весь мой мѣръ.

Конь проскачетъ. Ржанье пронесется.
Вьется, бьется, къ листьямъ жметъ пыль.
Какъ же Божимъ деревомъ зовется
То же, что зовется чернобыль?

Путника хочу предостеречь я: —
Божій ратникъ, шествуй въ мѣръ святынъ,
Въ горькомъ — крѣпль. И крѣпость есть
злорѣчья.

Но меня не трогай. Я польнъ.

Русь.

Русь, Россія,
Всѣ морскія,
Всѣ лѣсныя чары въ ней.
Полевая,
Луговая,
И степныя. Ты о ней
Говори,
Не умолкая,
Вплоть до мая цѣлый годъ.
Русь такая,
Что, сверкая,
Всякій счетъ перетечетъ.
Мы упали,
Не изъ стали,
Путь кончали — какъ рабы.
Мы устали
Отъ печали,
Мы въ опалѣ у Судьбы.
Ну же, ну же,
Въ сильномъ мужѣ
Нужно крѣпче нить крутить.
Съ тетивою,
Съ лукомъ, къ бою,
Ткань укрою въ златобить.
Лукъ каленый,
Конь ядреный,
Онъ полною облеченъ.
Знаетъ скокомъ
Быть въ далекомъ,
Знаетъ видѣть вѣщій сонъ.

Чаша быта,
Знаменита,
Вся разбита на куски.
Живъ громило,
Наша сила
Блескъ замглила, — угольки.
Ну и что же?
Вышній Боже,
Какъ похожи явь и сонъ.
Въ вѣкъ старомъ
Тѣмъ же ярымъ
Я пожаромъ былъ сожженъ.
Ахъ, верига
Плѣна, ига,
Эта книга тяжела.
Не кляню я: —
Мысль, тоскуя,
Эту лѣтопись прочла.
Тамъ надъ Калкой
Часъ былъ жалкой,
Я фіалкой сталъ въ лѣсахъ.
Жилъ взростая,
Расцвѣтая.
Сила злая? Гдѣ ты? Прахъ.
Были Ляхи,
Были въ страхъ
Всѣ размахи силъ моихъ.
Ну, изъ Польши
Что же больше
Къ намъ придетъ? Лишь звонкій стихъ.
И отъ Сены
Брызги пѣны
Въ наши стѣны путь вели.
Бита карта
Бонапарта.
Кто пылинка, тотъ въ пыли.

Русскій кто ты?
Русь, русло ты,
Улей, соты, медь густой.
Не весталка,
Срывъ и балка,
И русалка надъ водой.
Ахъ, русалій
Смѣхъ изъ дали
Мы узнали такъ давно.
Вновь заманимъ,
Затуманимъ
Всей Судьбы веретено.
Сердце славить,
Не лукавить,
Сердце плавить въ насъ руду.
Часъ похмѣлью.
Мы мятелью
Разнесемъ свою бѣду.
Русь, Россія,
Ты — стихія
Перебора вѣчныхъ силъ.
Часъ износишь,
Ключья сбросишь
И попросишь ты — кадилъ.
Это — было.
Власть кадила
Освятила златокругъ.
Смолкнуть стоны,
Перезвоны
Поплывутъ въ зеленый лугъ.
Эй, степные!
Эй, лѣсные!
Будетъ выи вамъ сгибать.
Сине-Море
Въ гулкомъ хорѣ
Вторить: „Вольнымъ — благодать!“

Б Ы Л Ь.

Перелетъ орла надъ степью въ вышины,
Мысль упорная въ сознаньи тамъ на днѣ.
Перескокъ копытъ по степи и ковыль,
Взоръ Петра и бѣгъ Мазепы, это — была.

Вѣтвь лихая отъ распиленаго пня,
Красный пламень убienья и огня.
Слово Курбскаго — и Грознаго костыль,
Взглядъ слуги въ царицы очи, это — была.

Не убившій озимь, жизнь прикрывшій снѣгъ,
Славяниномъ пораженный Печенѣгъ.
До Царьграда — Руси Южной вскрикъ и пыль,
Мудрость Ольги, щитъ Олега, это — была.

Чѣмъ я дальше отъ сегодняшняго дня,
Тѣмъ полнѣй завѣтъ свершенья для меня.
Чѣмъ я ближе къ корню Русскихъ нашихъ дней,
Зовъ Славянскаго дерзанья мнѣ слышнѣй.

Звукъ сегодня — лишь машинъ незрячій рыкъ,
Но поетъ и свѣтитъ Русскій мнѣ языкъ.
Обнялъ онъ просторы двухъ материковъ,
Онъ исторгнетъ Край мой Отчій изъ оковъ.

Вѣрю въ озимь, ей не страшенъ ледъ и снѣгъ,
Въ звонкій бубень, въ щитъ свой сталью бьетъ
Олегу.

Я увижу тамъ въ безкрайности ковыль,
Воля сердца претворяетъ мысли — въ была.

Р у с ь.

...Нѣтъ, такъ любить, какъ
Русская душа, всѣмъ, что ни есть
въ тебѣ — а... Нѣтъ, такъ любить
никто не можетъ.

Гоголь. Тарась Бульба.

Теперь, когда родимый свѣтъ погасъ
За синими далекими холмами,
Ты — знаменемъ неколебимымъ съ нами,
Провидящій безтр петный Тарась.

Ты зналъ, что къ намъ придетъ предѣльный часъ,
Глумятся недовѣрки въ нашемъ Храмѣ,
Но грозы Русскій духъ крѣпятъ громами,
И молча мы изъ молній ткемъ нашъ сказъ.

Въ насъ голосъ зова: „Помни о Россіи!“
И кличъ, гдѣ скрытый пламень: „Будь готовъ!“
Тарасовъ слѣдъ. Костры сторожевые.

Придетъ нашъ часъ. Погнутся вражьи выи.
И, волю сливъ съ волной колоколовъ,
Россія — съ нами — станетъ — Русь — впервые.

Завѣтъ пращуровъ.

Копье, стрѣла, чеканъ, сѣкира,
Булатный мечъ,
Какъ хороши вы въ утрѣ міра
И первыхъ встрѣчь.
Назвавши васъ, я вижу звѣря,
Чей грозень вой,
И человѣкъ, свой духъ съ нимъ мѣря
Взнесъ обликъ свой.
Вспомня васъ, я вижу поле,
Изъ края въ край,
И двѣ ликующія воли.
Живи. Играй.
Умѣй сразить единорога,
Возьми свое.
Съ Бѣлбогомъ ты, на Чернобога
Намѣть копьѣ.
Умѣй на станъ метнуться станомъ,
Какъ лѣсъ телѣгъ.
И что Татары съ гордымъ Ханомъ?
Что Печенѣгъ?
Они лишь снились намъ когда-то,
Во мглѣ вѣковъ,
Чтобъ наша кровь была богата
Отвагой сновъ.
А если волей Чернобога
Ты знаешь плѣнъ,

Крѣпись, хоти и мысли строго,
Уйди изъ стѣнъ.
Читай въ ночи къ созвѣздыямъ міра
Молитвы вслухъ.
Служила прашурамъ сѣкира,
Тебѣ — твой духъ.
Коль въ буряхъ ты упоренъ, смѣлый,
Душа твоя —
Отсюда — жалящія стрѣлы,
И свистъ копья.
Стоокой мысли бей чеканомъ
Слѣпую тьму, —
Проснешься снова съ днемъ румянымъ
Въ своемъ дому.

МѢДНЫЙ всадникъ.

На взмахѣ камня всадникъ мѣдный
Приподнялъ рѣзвый взмахъ коня,
И смотритъ въ небо ликъ побѣдный,
Въ немъ солнце будущаго дня.

Мы знали много поражений,
Предѣльную растрату силъ,
Но нашъ исконный взрывный геній
Изъ бездны къ выси насъ возносилъ.

Рука, которая умѣла
Держать такіе повода,
Велитъ глядѣть намъ въ пропасть смѣло
И знать, что насъ ведетъ Звѣзда.

Четыре конскія копыта
На взмахѣ камня — намъ завѣтъ,
Что будетъ вся бѣда избыта,
Что вспыхнетъ, брызнувъ, пламецвѣтъ.

И жду. Да вспрянетъ конь летучій,
Топча извивную змѣю.
Да узрю свѣтлою надъ кручей
Въ лучахъ Избранницу мою.

Къ Казакамъ

Казаки, хранители Юга,
Властители вольныхъ степей,
Душой до казацкаго круга
Иду съ челобитной моей.

Казакъ — полновольная воля,
Казакъ — некрушимая крѣпъ,
Его забаякала, холя,
Вся южная Русская степь.

Содружеству — святость закона,
Содруга нигдѣ не покинь,
Цвѣтущаго Тихаго Дона
Веселая, вольная синь.

Казакъ — безоглядная доля,
Днѣпровскій о брегъ водометъ,
Черезъ долгое Дикое Поле
Всей конскою мощью полеть.

Во имя Родимаго Края,
И Вѣры, чья цѣльность строга,
Орловъ длиннокрылая стая,
Орлиный налетъ на врага.

Не чужды мнѣ ваши предѣлы,
Явите мнѣ правду и судъ,

Безстрашнымъ былъ ратникомъ, смѣлый,
Мой прадѣдъ, херсонецъ, Балмутъ.

Я съ зовомъ казаки къ вамъ, съ зовомъ,
Услышите зовущій напѣвъ,
Изъ дома съ разрушеннымъ кровомъ
Унесъ я негаснущій гнѣвъ.

Нашъ Край — подъ пятой иновѣрца,
Зажженъ нечестивый пожаръ, —
Зачѣмъ же до вражьего сердца
Орлиный не рухнетъ ударъ?

Бѣсовскія сильны твердыни,
Но въ насъ онъ, Отцовскій нашъ Край,
Господь не изсякъ и донинѣ,
Кто любитъ Россію, дерзай.

Довольно намъ чуждаго праха,
Готовьте могучій размахъ: —
Кто держится чарою страха,
Метните въ нихъ губящій страхъ!

Вѣнценосная.

Вѣнценосная тѣнь предо мной проходила во снѣ,
И, вѣнецъ пронося, прошептала, что жемчугъ тотъ
мнѣ.

Для меня — въ жемчугахъ и въ огнѣ золотой
ободокъ,
Только нужно свершить три свершенья въ короткій
мнѣ срокъ.

И одно — чтобъ до полночи цѣлый мнѣ міръ
облетѣть,

Превращая повсюду въ червонное золото мѣдъ.

И другое — чтобъ я до зари, до вторыхъ
пѣтуховъ,

Ожерелье спаялъ — все изъ лунныхъ серебряныхъ
словъ.

И послѣднее, третье — чтобъ къ третьимъ я былъ
пѣтухамъ

На зарѣ самъ зарей — и тогда съ нею вступимъ мы
въ храмъ.

Подарить мнѣ все царство свое обѣщалась она
И колодець, гдѣ мудрость — безъ грани и счастье —
безъ дна.

Вѣнценосная тѣнь подарить мнѣ хотѣла — себя,
И нельзя было сердцу глядѣть на нее — не любя.
Въ сердцѣ вспыхнулъ обжогъ, напряженная сла-
дость тоски,

Засновали кругомъ и сложились въ коверъ огоньки.

На летучемъ коврѣ я сквозь мраки весь міръ
облетѣлъ,
Всюду мѣдь стала золотомъ, міръ — золотой сталь
предѣлъ.
Разспросивъ соловьевъ, на чертѣ соловьиныхъ
садовъ,
Я спаялъ ожерелье изъ лунныхъ серебряныхъ
словъ.
Стала легче дышать напряженіемъ сжатая грудь,
Среброкованный Серпъ изъ-за горъ показался
чуть-чуть.
И какъ первый пѣтухъ возвѣстилъ мнѣ двѣнадцатый
часъ,
Я весь міръ заковалъ въ золотой, въ огнеблещущій
сказъ.
И какъ слышалось пѣнье предзорныхъ вторыхъ
пѣтуховъ,
Я качалъ ожерелье изъ лунныхъ серебряныхъ словъ.
И ужъ только хотѣлъ — до зари — я сверкнуть
какъ заря,
Отъ морей до морей загудѣла печаль, говоря.
Закачалась тоска, какъ дремучій безвыходный лѣсъ,
Золотой ободокъ, мнѣ маячившій въ даляхъ, исчезъ.
И набатомъ слышался третьихъ тутъ вспѣвъ
пѣтуховъ,
Разорвалось мое ожерелье серебряныхъ словъ.
Растопилось все золото, брызнувъ къ небеснымъ
краямъ,
И багряная мѣдь потекла по окраинамъ ямъ.

Двѣнадцатый годъ.

Изъ всѣхъ намъ разказовъ желаннѣй и слаще
О первой любви разказъ.

Въ ней звукъ небывалый и свѣтъ настоящій,
Колодець бездонный единственныхъ глазъ.
Изъ всѣхъ многозвѣздныхъ сверканій и гроздій
Вечернюю — первую — любимъ звѣзду.
Кузнецъ, чьи — для Святокъ алмазные гвозди,
Декабрь нашъ — двѣнадцатый мѣсяцъ въ году.

Чтобъ вникнуть въ скрижали
Гаданій и сновъ,
Въ ночи мы избрали,
Издревле, изъ дали,
Двѣнадцать часовъ.

Россіи, чьи мощны и чащи, и рѣки,
Чьи горы небесный прорѣзали сводъ,
Вѣщанье навѣки —
Двѣнадцатый годъ.

Что Римъ мнѣ! Что Галлы! Что рьяная Спарта!
Свѣчой мы копѣчной были сильнѣй.
Въ игрѣ тутъ была ворожебная карта.
Россія — Москва — приняла Бонапарта
Такой безоглядностью ярыхъ огней,
Что побылъ въ Москвѣ — и законченъ былъ въ ней.
Пыланьемъ того рокового пожара,
Тѣмъ вскрытіемъ льда, всеразлитіемъ силъ,
Какъ Божимъ напиткомъ, наполнилась чара,

Которую Пушкинъ ребенкомъ испилъ.
И въ отрокѣ пламень такъ жгуче былъ явень,
Что, чуть просвирѣлилъ онъ первый свой вздохъ,
Какъ сонный мгновенно проснулся Державинъ,
Почуявъ, что снова съ Россією Богъ.
Сгорѣли. Воскресли. И было такъ надо.
И снова. Но гдѣ же изъ пепла исходъ?
Когда опрокинемъ на воинства Ада
Двѣнадцатый годъ?

Надъ зыбью незыблемое.

Шумить, шуршить и шелестить
Шипучій валъ, свой бѣгъ свершая.
Шершавъ шатучей влаги видъ,
Вода морей, она чужая.
Не пролепечеть ручейкомъ
Ту сказку воркотливой няни,
Въ которой съ чудомъ ты знакомъ,
Вступая въ міръ по свѣтлой грани.
Въ водѣ морей и нѣтъ рѣки,
Хоть въ Море всѣ впадаютъ рѣки.
А какъ шуршатъ намъ тростники,
Когда полюбимъ мы — навѣки.
Навѣки милое лицо
Любовью расцвѣтетъ въ апрѣлѣ,
И отъ души къ душѣ кольцо
Перескользнетъ подъ стонъ свирѣли.
Но эта лѣтопись была
Въ родной глуши лѣсного края,
Гдѣ гудъ густой колокола
Качають, въ помыслы вливая.
Гдѣ въ каждый день нашъ входитъ звонъ,
Ласкаетъ Божья близость храма,
И лики темные иконъ
Овиты дымкой еиміама.
Но эта лѣтопись цвѣла
Въ краю, гдѣ въ зимній сонъ тягучій

Внезапно входитъ вздохъ тепла,
 Подъ мартовской лиловой тучей.
Гдѣ Благовѣщенье, — какъ духъ
 Въ полутѣлесной оболочкѣ, —
Отъ сердца къ сердцу шепчетъ вслухъ: —
 „Дарите синіе цвѣточки.“
Гдѣ съ выси солнечныхъ зыбей
 Нисходитъ тайна безъ названья, —
Гдѣ не стрѣляютъ голубей,
 А нѣжно чтутъ ихъ воркованье.
Но эта лѣтопись была, —
 Ее не предадимъ ущербу! —
Тамъ, гдѣ, христосуясь, пчела
 Цѣлуетъ золотую вербу.
И вотъ чужой мнѣ Океанъ,
 Хоть мною Океанъ любимый,
Ведетъ меня отъ южныхъ странъ
 Въ родные сѣверные дымы.
И я, смотря на пѣнный валъ,
 Молюсь, да вспрянетъ же Россія,
Чтобъ конь Георгія заржалъ,
 Топча поверженнаго Змія!

Работница.

... Въ пустыни Іоанна Крестителя
Твоего дивимъ медомъ воспитати
благоизволилъ еси...

Требникъ.

Познавъ, что дни проходятъ строго,
А не полетомъ мотылька,
Лишенный отчаго порога,
Внимаю, какъ гласягъ вѣка: —
Одна работница у Бога,
Что тайну поняла цвѣтка.

Пчела съ прозрачнымъ легкимъ звономъ,
Пока въ дыму кузнецъ куегъ,
Не меньше трудится по склонамъ,
Своимъ трудамъ теряетъ счетъ,
И по обителямъ зеленымъ
Душистый собираегъ медъ.

Жужжить причастница расцвѣта,
Летитъ лобзальница цвѣтка,
Вся въ хлопотахъ весну и лѣто,
Ей жизнь трудна, ей жизнь легка,
И полный сотъ, богатство это,
У ней беретъ моя рука.

О, вѣстникъ — ангелу сосѣдній,
Живи, пчела, летай, звучи.
Твой даръ другой, твой воскъ — съ обѣдной,
И Солнце льетъ въ него лучи.
Мы провожаемъ въ путь послѣдній —
Горѣнемъ восковой свѣчи.

ЗИМНЯЯ.

И въ яви, и во снѣ,
Я бусинки качаю,
Въ оснѣженной странѣ,
Гдѣ всюду вѣтеръ съ краю.
Здѣсь всюду бѣлый видъ,
Лишь съ синеватымъ окомъ
Ворога пролетитъ
Въ безмолвіи глубокомъ.
Да въ снѣгѣ сѣя знакъ,
Ко мнѣ проскачетъ близко,
Ведетъ свой слѣдъ бѣлякъ, —
Отъ зайца рукописка.
Мелькнетъ вдали мужикъ,
Вонъ розвальни, савраска.
И снова — дикій ликъ,
Одна лѣсная сказка.
На восемь долгихъ лунъ
Изъ облачной утробы
Доносится бурунъ
И громоздитъ сугробы.
И въ поздній часъ, и въ ранъ,
Среди вѣтровъ сугубыхъ,
Вездѣ деревья, глянь,
Въ пушистыхъ, бѣлыхъ шубахъ.
Но оттепель была
Почти что здѣсь недѣлю,

Я бусинки сплела,
Ихъ въ вѣтрѣ колыбелю.
Ты думаешь, я кто?
Волшебница какая?
Царевна-ли? Не то.
Моя судьба иная.
Весь бѣлый мой покровъ.
Старинной ели дѣтка,
Боярышня лѣсовъ,
Лишь зимняя я вѣтка.

Нежужжація.

Сонмы летящихъ, какая въ васъ нѣга,
Воздухомъ спѣтый танцюющій стихъ.
Бѣлыя пчелы съ далекаго берега
Облачныхъ рѣкъ и озеръ снѣговыхъ.

Если бъ вы были въ гремячемъ іюлѣ,
Вы бы сомчались стезей грозовой.
Нынѣ безгласный васъ выпустилъ улей
Вѣющій, рѣющій, тающій рой.

Высокія судьбы.

Высокія звѣзды,
Высокія судьбы,
Съ дорогой на тысячи лѣтъ.
И каждый пробѣгъ ихъ
Ликующей праздникъ,
Въ лучистое пламя одѣтъ.
Не имъ-ли молились
На башняхъ высокихъ,
Смотря въ голубой небосклонъ,
Чтецы звѣздословья,
Которыми славенъ
Нетлѣнный въ вѣкахъ Вавилонъ.
Не ихъ-ли узоромъ
Въ безсмертномъ Египтѣ
И вязью согласныхъ ихъ строкъ,
Въ Луксорѣ, въ Карнакѣ,
Въ святилищахъ вѣщихъ,
Горитъ храмовой потолокъ.
Не ими-ли спѣты,
Подъ гусли Давида,
Такіе столѣтьямъ псалмы,
Что вотъ и сегодня,
Подъ звонъ колокольный,
Ихъ хоромъ вспомнили мы.
О Страшномъ, что ходитъ
Одинъ по высотамъ,

Въ горѣннѣ нездѣшной красы,
Вѣщальъ богоизбранный
ловъ и пытку
На звѣдныя бросилъ вѣсы.
Высокія судьбы
Развѣдалъ въ созвѣздыяхъ,
Любовникъ пустынь, Бедуинъ,
Летя на арабскомъ
Конѣ за самумомъ
Въ просторѣ песчаныхъ равнинъ.
Самумомъ промчался,
Но въ тысячѣ царствъ онъ
Внесенную вскинулъ мечеть,
И въ ночь правовѣрнымъ
Поютъ муэззины,
Ихъ голосъ — призывная мѣдь.
А если ты духомъ
Морской и воздушный,
Спѣши пересѣчь Океанъ, —
Вездѣ звѣздохетовъ
Родныхъ ты примѣтишь
Всемирно раскинутый станъ.
Въ краяхъ, гдѣ агавы
Цвѣтутъ величавы,
Надъ гладью лагунной воды,
Громадой стоятъ
Пирамидныя храмы
Во славу Вечерней Звѣзды.
И если ты хочешь
Безплотныхъ свиданій
Въ обители лунныхъ невѣсть, —
Дойди до оплотовъ,
Гдѣ кондоръ верховный,

Гдѣ Южный возносится Крестъ.
И если ты хочешь
Священныхъ сказаній
О звѣздныхъ зачатяхъ, — читай,
Взглянувъ на великій
Подсолнечникъ міра,
Вѣнчаный дракономъ Китай.
И если ты станешь
У чуждаго берега,
У края гремучей воды, —
Припомни свой Сѣверъ,
Съ единымъ недвижимымъ
Престоломъ Полярной Звѣзды.
И въ часъ прорицаній,
Въ часъ полночи вѣщей,
Свой духъ въ среброткани одѣнь.
Къ предѣламъ желаннымъ
Помчитъ тебя быстро
Твой сѣверный Звѣздный Олень.

И в а.

Чуть-чуть подъ вѣтромъ качалась ива,
Пчела жужжала и налету,
Замедлясь, медь свой пила счастливо,
Затѣмъ что ива была въ цвѣту.

Потомъ июль былъ. Горѣли тучи.
Былъ громоносный надъ міромъ часъ.
И вѣтеръ пьяно пропѣлъ шатучій,
Что и плакучей — удѣлъ есть плясъ.

Потомъ, какъ клиномъ вверху летѣли,
Сѣрѣя, гуси и журавли,
Я срѣзалъ вѣтку, и звукъ свирѣли
Пропѣлъ, что счастье мы всё сожгли.

Пожаръ по лѣсу разлился жгучій,
И строилъ вѣтеръ свой посвистъ-свистъ.
А вѣтви ивы чредой плакучей
Роняли въ воду текучій листъ.

И дымный, зимній, весь хрусткій воздухъ
Велѣлъ на тѣло надѣть тулупъ.
Для тѣхъ, кто сѣялъ, у печки роздыхъ,
А кто не сѣялъ — голодный зубъ.

И вились вьюги, мелись мятели,
Весь міръ былъ бѣлый разъятый зѣвъ.

Оцѣпенѣлый, я изъ свирѣли,
Какъ нить кудели, крутилъ напѣвъ.

А въ свѣжемъ мартѣ дохнули предки
Такимъ уютнымъ роднымъ тепломъ.
И опушились на вербѣ вѣтки,
И въ прорубь неба собрался громъ.

Копилъ онъ силу и несъ апрѣлю
Изъ молній поясъ для новыхъ дней.
Смотрю въ окно я. Смотрю. Свирѣлю.
Учусь у Солнца смотреѣть яснѣй.

Какъ свѣжи въ пѣснѣ всѣ переливы,
„Христось Воскресе!“ всѣмъ говорю.
Пчела цѣлуетъ цвѣточекъ ивы,
А я цѣлую мою зарю.

Надпись на корѣ платана.

Платанъ, закатный братъ чинара,
Что вѣдалъ всполохъ нашихъ дней,
Когда была полнѣ чара
И кахетинское пьянѣй.

Ты въ Капбретонѣ знаменито
Простеръ шатромъ свою листву.
Но помню дальняго джигита
И мыслью о моемъ живу.

Мое — кинжалъ, копье и пушки,
Набѣгъ, гдѣ плѣнникъ мой — Шамиль,
И на Кавказѣ — юный Пушкинъ,
Чей каждый возгласъ — наша былъ.

Мое — надъ Пятигорскомъ тучи
И котловина дикихъ горъ,
Пѣвучій Лермонтовъ надъ кручей,
Поэта — съ Небомъ разговоръ.

Мое — средь сумрачныхъ ущелій,
Гость Солнца въ Грузіи, я — самъ,
Моя любовь, Тамаръ Канчели,
Чье имя отдаю вѣкамъ.

Мое — отъ моря и до моря
Луга, поля, и лѣсъ, и степь,
И въ перезвонѣ, въ переборѣ,
Та молвь, гдѣ въ каждомъ звукѣ лѣль.

О, Русскій колоколъ и вѣче,
Сквозь бронзу серебра полеть.
Въ пустынѣ я — лишь вскрикъ Предтечи,
Но Божій Сынъ къ тебѣ идетъ.

Колокольчикъ.

Чашей малою качаясь, говоря съ самимъ собой,
Нѣжно впилъ глоточекъ неба колокольчикъ голубой.
Онъ качнетъ свой взоръ налѣво, самъ направо посмотрѣвъ,
На землѣ намекъ на небо, колыбелится налѣвъ.
А съ бубенчиками дружень, серебра зазывъ живой,
Колокольчикъ тройки мчится по дорогѣ столбовой.
Говорунчикъ, гормотунчикъ, подъ крутой дугою сказъ,
Двумъ сердцамъ, чей путь въ безкрайность, налѣваетъ:

„Въ добрый часъ“.

Что законы? Перезвоны легче пуха ковыля.

Что родные? Два живые, двое — небо и земля.

И ужь какъ онъ, колокольчикъ, самъ съ побѣгомъ
столь знакомъ,

Бьется въ звонкую преграду говорливымъ язычкомъ.

Коренникъ — какъ быкъ могучій, шея въ мылѣ, пламя
взглядъ,

А встряхнутся пристяжныя, — и бубенчики звенятъ.

И перомъ павлиньимъ вѣетъ, млѣетъ шапка ямщика.

Какъ бываетъ, что минута такъ сладимо глубока?

Въ двухъ сердцахъ — одинъ созвучный колокольчикъ-
перебой.

Взоръ „Люблю!“ во взоръ излился. Колокольчикъ,
дальше пой.

Шире. Дальше. Глубже. Выше. Пой. Не думай ни о чемъ.

Солнце степь — всю степь — разсѣкло — какъ мечомъ —
однимъ лучомъ.

Скрылись въ солнцѣ. И, качаясь, говорить съ самимъ
собой —

„Живъ я, впивъ глоточекъ неба!“ — колокольчикъ голубой.

Нѣжная тайна.

Моей солнечной Ниникъ.

Какъ не любить тебя? Въ горницѣ сердца, гдѣ все —
сребробить,
Все — златоткань, мнѣ желанно любимую тайну хранить.

Нѣжная тайна открылась мнѣ въ пѣснѣ, звенѣвшей —
тоской.

Берегъ въ цвѣтахъ былъ, но сердце хотѣло на берегъ
другой.

Нѣжная тайна, и въ зиму, и въ стужу, свѣтла и жива.
Вдругъ засіяетъ въ серебряной ивѣ, расцвѣтшей едва.

Въ вербной субботѣ свѣчой предъ иконой внесетъ свой
законъ,
Взоры потупить — и вдругъ въ колокольный схоронится
звонъ.

Ласточкой быстрой, летя, прощобечеть о счастья гнѣзда.
Тучкою къ тучкѣ прижмется, примкнется, плыветъ
череда.

Тихо скользнетъ въ голубой колокольчикъ, лазурный
качнетъ,
Звонкія пчелы, возьмите веселый — здѣсь въ розсыпи —
медъ.

Нѣжная тайна въ березовой рошѣ раскрылась въ веснѣ.
Тонкое жало въ душѣ задрожало, скользнуло по мнѣ.

Тонкій былъ очеркъ той дѣвушки ясной, которой я
ждалъ.

Съ птицами были, и хмѣльно испили хрустальный
бокаль.

Гдѣ же ты? Гдѣ же? Все рѣже и рѣже встаешь ты
въ судьбѣ.

Всѣ мои мысли и все мое сердце — одной лишь тебѣ.

Что жь все тѣсиѣ, короче тѣ ночи въ жерлѣ черноты,
Гдѣ златоюной, подъ пѣнье, подъ струны, мнѣ
видишься ты?

Гдѣ же зарницы? Приливъ огневицы? Играющій громъ?
Серпъ Новолунній на Море дорогу пролилъ серебромъ.

Такъ-ли дойду я, любя и тоскуя, до милой моей?
Гдѣ же дорога, ведущая строго къ сверканію дней?

Дрогнули Спящей Царевны рѣсницы. О, жажда
въ крови.

Сила родная, отъ края до края возстань. Позови!

Зарубежнымъ братьямъ.

Россія въ Русскомъ сердцѣ — всюду,
Будь мы въ раю или въ аду.
Прими изгнанье — какъ бѣду,
Но волѣ вѣрь своей и чуду.
Нашъ путь — къ родному изумруду,
Въ свой часъ я въ садъ родной войду.
Пусть боль грозитъ мнѣ отовсюду,
Пусть въ грозной пропасти я буду, —
И въ ней мнѣ Богъ дарить звѣзду.

Съ Новымъ Годомъ.

Отъ сентября до сентября
Мой старый годъ и годъ мой новый.
Отъ своевольнаго царя
Иной вашъ счетъ. А я не зря
Отъ сентября до сентября
Свиваю нить моей основы.

Въ листь мнѣ золотомъ конецъ,
Въ опавшихъ листьяхъ мнѣ начало.
Въ багряной осени — вѣнецъ.
Я отдыхаю, мудрый жнецъ.
И чу, синица, мой пѣвецъ,
Хрустальнымъ звономъ зазвучала.

Бродяга-вѣтеръ у воротъ,
Но крѣпко заперты амбары.
Зерно къ зерну — вѣрнѣйшій счетъ
Того, что было, что придетъ.
Въ знакъ году новому — не ледъ,
Зерно даетъ мнѣ годъ мой старый.

Святыня ржи, овесъ, ячмень
И розсыпь желтая пшеницы —
Мой годовой свершенный день.
Мой старый годъ — нѣмая сѣнь
Надъ замиреньемъ деревень
И улетающія птицы.

По льду люблю я быстрый бѣгъ,
Порошу первую и сани.
Но старый годъ мой, полный нѣгъ,
Предъ тѣмъ какъ выбѣлится свой снѣгъ
И долгій мнѣ сковать ночлегъ,
Являетъ весь размахъ сверканій.

Послѣднимъ годовымъ огнемъ
Лѣса онъ превращаетъ въ теремъ.
Заморскимъ сыплеть янтаремъ
И въ землю брошеннымъ зерномъ,
Его мы озимью зовемъ
И ей мы въ перезимье вѣримъ.

Въ знакъ году новому горя,
Онъ яблокъ даль мнѣ въ кладовую.
Въ нихъ благовонная заря.
Ранетъ. Антоновка. Не зря,
Я славлю злато сентября,
Въ багряности благовѣствую.

Рубинъ анисовки красивъ.
Кусни. Тутъ прямо — губы въ губы.
Арабка. Восковой наливъ.
Фонарикъ, диво между дивъ.
Отъ яблокъ я душистъ и живъ.
Я не Адамъ. Мой рай — сугубый.

Огонь и въ полѣ, и въ избѣ, —
Поетъ о сентябрѣ былина.
Но есть ущербъ въ его судьбѣ,
И къмъ-то молвлено въ журьбѣ: —
Одна есть ягода въ тебѣ,
И та — лишь горькая рябина.

Кто это молвилъ, очень правъ,
Но рѣчь его скользнула съ краю.
Находчивъ деревенскій нравъ.
И, для продленія забавъ,
Съ огнистымъ горькое смѣшавъ,
Рябиновку я наливаю,

Итакъ, вы видите, не зря
Здѣсь ходитъ стихъ мой скороходомъ.
Но что жъ? Не рознь календаря,
А духъ единъ — для насъ заря.
Тѣснѣй. И, жизнь боготворя,
Воскликнемъ дружно: Съ Новымъ Годомъ!

Первый дождь.

Первый весенний дождь,
Звонъ-перезвонъ по листьямъ,
Воздухъ березовыхъ рощъ,
 Строится новый храмъ.
Если мнѣ майскій жукъ
Гудную пѣсню споетъ,
Сладость въ томъ тайныхъ наукъ,
 Пѣсни созвучной взлетъ.
Если, какъ мельникъ мукой, —
Вдругъ я увижу, — пчела
Вся увалилась пылью,
 Въ сердцѣ растаетъ мгла.
Если подъ крышей моей,
Въ домикѣ тѣсномъ, въ ночи,
Ласточка нянчить дѣтей,
 Грусти скажу: „Молчи“.
И махаонъ на укропъ
Сядетъ, крылами дрожа,
Вмигъ я постигну, что гробъ
 Это не смерть, — межа.
Въ куколкѣ ты подожди,
Милый, покинувшій насъ, —
Если ты умеръ, иди
 Въ радостный, въ вѣчный часъ.
Если не умеръ, молю,
Время разлуки продли, —
Вѣрь моему кораблю,
 Буду не вѣкъ вдали.
Птицы отъ Юга летятъ
Снова на Сѣверъ родной,
Солнцемъ наполненъ мой взглядъ,
 Будь для меня Луной.

Солнечныя зарубки.

Въ день Срѣтенья зимы съ весною
Подъ снѣгомъ вздрогнула земля,
И, волю струнному давъ строю,
Бродилъ я срывною горою,
Весну грядущую хваля.
„Люблю! Какъ птица я съ тобою!“
Я пѣлъ второго февраля.

А въ день за пѣснею девятый
День Власья праздновали мы.
И духъ мой, звуками богатый,
Смѣялся, вольный и крыматый,
При видѣ странной кутерьмы: —
Слуга зимы — морозъ рогатый,
Но сшибъ нашъ Власій рогъ съ зимы.

А тамъ пойдетъ на Евдокію,
А тамъ и жаворонки къ намъ.
Я говорю: Не вѣрьте Змію.
Вѣрь въ Солнечную Литургію,
Весна лучомъ рѣзнетъ по льдамъ,
И вешнюю вернетъ Россію
Неизмѣняющимъ сынамъ.

Въ день Благовѣщенья намъ зори
Протянутъ свѣчи съ высоты.
И на конѣ, какъ снѣгъ, Егорій,
Въ лугахъ, въ лѣсахъ, на склонахъ взгорій,
Засвѣтитъ новые цвѣты.
Россія, расцвѣтешь-ли вскорѣ?
Хочу, чтобъ вся запѣла ты.

А у.

Отъ постели къ окну,
Чтобы слушать весну.
Какъ она за окномъ
Говорить соловьемъ.
„Кто со мной? Кто со мной?“
Среброкованный звукъ.
Со стозвучной весной
Знаешь смыслъ потайной
Всѣхъ тончайшихъ наукъ.
„Кто со мной? Кто со мной?“
Ходы свѣтовъ волной,
Ходы рыбъ въ глубинѣ.
Клады счастья на днѣ.
Звѣздъ пѣвучій узоръ.
И на всѣхъ, кто въ бреду,
Отъ лазури — уборъ,
Отъ созвѣдій — печать.
Вотъ сейчасъ я пойду
На „Ау“! отвѣчать.
Гдѣ мнѣ встать въ череду?
Гдѣ я радость найду?
Но кричитъ коростель: —
„Уходи-ка въ постель!
Развѣ долю мою
И свою ты сравнишь?
Я тревожу всю тишь.
Я бѣгу и пою.
Ты лежишь и грустишь!“

Заклятый домъ.

Стропила, кровля, гребень, скать,
Чердакъ, весь домъ, въ подпольи кладъ.

Изъ трубъ къ высотамъ голубымъ,

И днемъ, и ночью, всходитъ дымъ.

Въ покояхъ зыбкая игра

И золота и серебра.

Во всемъ строеніи размахъ,

Но въ ликъ его заложенъ страхъ.

Нѣмья окна высоки,

На нихъ рѣзные пѣтушки.

На кровлѣ, утомляя слухъ,

Желѣзный вертится пѣтухъ.

Чуть вѣтеръ къ кровлѣ припадетъ,

Какъ будто ледъ разрѣжетъ ледъ.

Чуть вѣтеръ сдѣлаетъ загибъ,

Отъ пѣтуха желѣзный скрипъ.

Ворота вѣчно заперты.

Въ саду колючіе кусты.

Вкругъ сада — кольчатый заборъ,

Узлистыхъ змѣй сплошной узоръ.

Въ аллеяхъ — только мѣдный букъ,

И каждый сукъ — какъ выгибъ рукъ.

Сквозь темень листьевъ — крови слѣдъ.

Деревъ зеленыхъ въ садѣ нѣтъ.

Въ конюшняхъ кони. Тихо тамъ.

Лишь слышно ржанье по ночамъ.

Всю ночь тамъ въ конскомъ скокѣ дворъ,

И топотъ, бѣгъ во весь споръ.

Но, чуть придетъ разсвѣтнѣй часъ,
Малѣйшій звукъ затихъ, погасъ.
За цѣлый день лишь черный дымъ
Живеть, всходя столбомъ густымъ.
За цѣлый день, какъ молвь старухъ,
Желѣзный скрипъ, скребетъ пѣтухъ.
А ночью вновь, изъ края въ край,
И конскій храпъ, и песій лай.
Кто строилъ этотъ странный домъ?
И кто живетъ, безумный, въ немъ?
Въ ночи по лѣстницамъ шаги,
Къ врагамъ спускаются враги.
Врага выслѣживаетъ врагъ,
Лукавъ цѣпляющійся шагъ.
Крадутся, ждуть, идутъ, слѣдятъ,
И въ остромъ взглядѣ тонетъ взглядъ.
Придетъ-ли въ жуткій домъ восходъ,
Законный Солнца оборотъ?
Придетъ-ли въ царство странныхъ бѣдъ
Неукоснительный разсвѣтъ?
Средь обезумленныхъ палатъ
Заговорить-ли тайный кладъ?
Ворота вскроютъ-ли просторъ?
Змѣиный рухнетъ-ли заборъ?
Какъ вдоль дорогъ, при свѣтѣ дня
Прозраченъ стукъ копытъ коня.
Какъ правда жизни хороша,
Когда къ душѣ идетъ душа.
И въ мѣдномъ букѣ, нѣтъ, не кровь,
А пурпуръ можетъ вспыхнуть вновь.
И дубъ, вѣщая, въ свой чередъ,
Зеленымъ шумомъ запоетъ.

Степной орелъ.

Степной орелъ присѣлъ на холмикъ, надъ ходомъ
въ землю — путь сурка.
Угрюмъ и золь. Все слишкомъ близко. Онъ любитъ
видѣть свысока.

Смотрѣть привыкъ онъ изъ далекой, спокойно-синей
высоты.
А тутъ лишь пыль да травъ зачахшихъ горбомъ
глядящіе кусты.

Скрутившись, перекасти-поле взметнется тутъ,
подпрыгнетъ тамъ.
Какъ будто узелъ змѣй изсохшихъ за вѣтромъ
мчится по пятамъ.

Была весна и было лѣто. Шумѣлъ прилетъ несчетныхъ
птиць.
Довольно онъ напился крови. Проворно падалъ
сверху ницъ.

Кому даны такія крылья, и зоркіи взоръ, и острый
клювъ,
Тотъ въ плоть вонзаетъ когти съ маху, съ высотъ
на нижнее взглянувъ.

Была весна и было лѣто. Цвѣла вся степь и вся земля.
Но Солнце выжгло всё просторы, спалило море ковыля.

Здѣсь и тамъ.

Здѣсь гулкій Парижъ и повторны погудки,
Хотя и на новый, но вѣдомый ладъ.

А тамъ на чертѣ бочаговъ незабудки
И въ чащѣ давнишній алкаемый кладъ.

Здѣсь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами править летучая мышь.

Тамъ въ пряномъ цвѣтеннѣ болотныя травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.

Здѣсь въ близкомъ и въ точномъ расчисленный
разумъ,

Чуть глянуть провалы, онъ шепчетъ: Засыпь.

Тамъ стебли дурмана съ ихъ ядомъ и
сглазомъ,

И стонетъ въ болотахъ зловѣщая выпь.

Здѣсь вѣжливо холодны къ Бѣсу и къ Богу,
И путь по земнымъ направляютъ звѣздамъ.

Молю Тебя, Вышній, построй мнѣ дорогу,
Чтобъ быть мнѣ хоть мертвымъ въ жела-
емомъ тамъ.

Я Русскій.

Я Русскій, я русый, я рыжій.
Подъ Солнцемъ рожденъ и возросъ.
Не ночью. Не вѣришь? Гляди же
Въ волну золотистыхъ волосъ.

Я Русскій, я рыжій, я русый.
Отъ моря до моря ходилъ.
Низаль я янтарныя бусы,
Я звенья коваль для кадилъ.

Я рыжій, я русый, я Русскій.
Я знаю и мудрость и бредъ.
Иду я — тропинкою узкой,
Приду — какъ широкой разсвѣтъ.

Додневный знакъ.

Волнуй себя, яри себя, свирѣль,
Напрасная сумятица столицы, —
Тебя сильнѣй полеть единой птицы,
Въ чьихъ крыльяхъ власть, и страсть, и мощь,
и крѣль.

Ковыль свою качаетъ благолѣль,
Прилетныхъ журавлей кричатъ станицы, —
И духъ читаетъ вѣщія страницы
Изъ книги, называющейя степь.

Тускнѣетъ мысль въ задымленномъ вертепѣ.
Въ безбрежномъ — для души додневный знакъ.
Подъ крышей все не то и все не такъ.

Въ оградѣ — въ адѣ. Въ душномъ домѣ — въ
склепѣ.

Въ безгранномъ разверзаетъ духъ свой зракъ.
И вотъ плыветъ. За голубыя степи.

Предѣльное.

Травы расцвѣтали,
Травы отцвѣтали,
Травы доцвѣли.
Въ вѣтрѣ закрутились,
Мертвыя, сцѣпились,
Скомкались въ пыли.

На степи дордѣвшей,
Тускло пожелтѣвшей,
Посвистъ вѣтровой: —
„Ты-ли это, ты-ли,
Смѣхъ и радость пыли,
Стебель неживой?“

Круглое сцѣпленье,
Лѣпь и шорохъ тлѣнья,
Тѣ же сны не тѣ.
Мигъ предѣльный въ долѣ,
Перекасти-поле,
Пляшетъ въ пустотѣ.

Съ тихимъ вечеромъ.

Съ тихимъ вечеромъ въ разладѣ...
Аглая Гамаюнъ.

Съ тихимъ вечеромъ въ разладѣ
Какъ душою быть могу,
Если я въ вечернемъ садѣ —
На завѣтномъ берегу?
 День уходитъ — какъ предтеча,
 Съ отсѣченной головой,
 Что до Ангельскаго Вѣча
 Въ бездну безднъ — идетъ живой.
Самый Иродъ въ жуткомъ чудѣ
Вдругъ утратилъ всѣ слова: —
На округломъ рдяномъ блюдѣ
Крестовосца голова.
 Отъ нея уходятъ въ Вѣчность
 Златокрасные лучи.
 Ночь готовитъ звѣздомлечность.
 Ты — гляди. И ты — молчи.
Саломея! Саломея!
Жадной пляскѣ только часъ.
Только мигъ соблазнамъ Змѣя,
Крѣпче ткется звѣздный сказъ.
 Тихій вечеръ — съ Вѣчнымъ въ ладѣ,
 Клонитъ цвѣтикъ чашу ниць.
 Ходитъ вѣтеръ по оградѣ,
 Какъ дремота вдоль рѣсниць.

Но иные есть ночные,
Въ высь глядящiе цвѣты,
Что восходятъ неземные
До нездѣшной высоты.

Вонъ ихъ взбѣги, споръ не споръ я,
Споръ не споръ ты, говоря,
Отъ излучинъ лукоморья
До криницы, гдѣ заря.

Листья, вѣтви, чащи, кущи,
Дремной чары перелетъ.
Громной силы въ темной гущѣ
Ночью молнiя испеть.

Опрокинулось — что было
Въ многоцвѣтныхъ нитяхъ дня.
Тайновидческая сила,
Не покинь теперь меня.

Тучекъ легкiя кочевья
Впили красный виноградъ.
Вплоть до звѣздъ растутъ деревья,
Сталь земной небеснымъ садъ.

Вечеръ къ Полночи взнесенный!
О, Предтеча вдалекѣ,
Съ головою отсѣченной
Въ звѣздоблещущей рукѣ!

Обѣтованіе.

Сомкни усталыя рѣсницы,
На то, что было, не смотри.
Закрывъ глаза, читай страницы,
Что свѣтятъ ярко тамъ внутри.

Изъ бездны ада мы бѣжали,
И Море бьетъ о чуждый берегъ.
Но заключили мы скрижали
Въ недосыгаемый ковчегъ.

Храни нетронутость святыни,
Которой перемѣны нѣтъ.
И знай — отъ вѣка и донинѣ
Намъ свѣтитъ негасимый свѣтъ.

Когда жь ягненокъ съ волкомъ рядомъ
Пойдутъ одну зарю встрѣчать,
Вдругъ разомкнется намъ надъ кладомъ
Теперь сомкнутая печать.

Облако.

Мнѣ снилось высокое облако,
Надъ ширью равнины загрезившей,
Оно разросталось, взлелѣяно
Дыханьемъ раскидистыхъ горъ.
Объемомъ пловучаго острова
Оно возносилось округлое,
Руно возросло бѣлоснѣжное,
Грозы подвѣчный уборъ.

Мнѣ снилось лиловое облако,
Готовое тѣшиться брызгами,
Надъ ширью равнины проснувшейся
Обрушился взрывами громъ.
И вылилось цѣлое озеро,
И капли алмазныя прыгали,
И таяла ткань бѣлорунная,
Грозы опрокинутый домъ.

Мнѣ снилось разъятое облако,
Пронзенное гордою радугой,
Надъ ширью равнины ликующей,
Надъ четкими гранями горъ.
Возженье молитвы предъ образомъ,
Дороги цвѣтистыя радуги,
Свѣтильники съ душами дружные,
Земли и небесъ договоръ.

Тринадцать.

Леониду Тульпъ.

Въ тайгѣ, гдѣ дико все и хмуро,
Я видѣлъ разъ на утрѣ дней,
Надъ быстрымъ зеркаломъ Амура.
Тринадцать бѣлыхъ лебедей.

О, нѣтъ ихъ не тринадцать было,
Ихъ было ровно двадцать шесть.
Когда небесная есть сила,
И зеркало земное есть.

Всѣ, перваго сопровождая
И соблюдая свой чередъ,
Свершала дружная ихъ стая
Свой торжествующій полетъ.

Тринадцать цѣпью бѣлокрылой
Летѣло въ синей вышинѣ,
Тринадцать бѣлокрылыхъ плыло
На сребровлажной быстринѣ.

Такъ два стремленья въ краѣ дикомъ
Умчалось съ кликомъ въ даль и ширь,
А Солнце въ пламени великомъ
Озолотило всю Сибирь.

Теперь, когда навѣкъ оконченъ
Мой жизненный июльскій зной,
Я четко знаю, какъ утонченъ
Летящихъ душъ полетъ двойной.

З и м а .

Въ чертогъ Зимы со знакомъ Козерога
Вступило Солнце. Выпить лѣтній медъ.
Полетъ саней. Вся бархатна дорога.
Течение рѣкъ замкнулось въ звонкій ледъ.

Кора деревь, охваченная стужей,
Какъ дверь тюрьмы, туга и заперта.
Домъ занесенъ. Въ немъ дологъ часъ досужій.
Въ узорахъ оконъ звѣздный знакъ креста.

Въ трубѣ — органъ. Въ немъ вѣтромъ нелюдимымъ
Размѣрно сложенъ сумрачный хораль.
Духъ солнечный восходитъ синимъ дымомъ,
Костерь стодневный жарко запылалъ.

Въ березѣ бѣлой солнечная сила
Запраталась, чтобъ насъ зимой согрѣть.
И пламя въ печкѣ пляшетъ цвѣтокрыло,
Текучую переливая мѣдъ.

Д р е м о т а .

Задремалъ мой единственный садъ,
Онъ не шепчетъ подъ снѣгомъ густымъ.
Только вьюга впередъ и назадъ
Здѣсь ведетъ снѣгодышащій дымъ.

Ты куда же стремишься, мятель?
Зачинаешь, чтобъ вѣчно кончать.
Ты для ткани какой же кудель
Раскрутила — скрутила — опять?

Я по дому одинъ прохожу,
Всѣ предметы стоятъ въ забытьи.
Отъ безсмертныхъ полей на между
Смотрятъ въ прошлое мысли мои.
Высоко — далеко — небосинь,
Широко — широчайшій просторъ.
Занавѣску въ душѣ отодвинь,
Разсвѣти мыслевнутренній взоръ.

Ты не сдѣлалъ съ собой ничего,
Что бы сердцемъ не сдѣлалъ опять.
Отчего же кругомъ такъ мертво
И на всемъ снѣговая печать?

Только дымно мерцаетъ свѣча,
Содвигая дрожащую тѣнь.
Только знаю, что жизнь горяча
И что въ Вѣчность проходишь ступень.

Отчего же, весь снѣжный, морозъ
Наковалъ многольдянность преградъ?
Нѣтъ отвѣта на жгучій вопросъ.
Задремалъ мой таинственный садъ.

Сонная одурь.

Что тамъ въ затишьи зеленыхъ зыбей?

Между стеблями горящій клочокъ.

Зелье колдуньино, дикій репей,

Вѣдьминъ зрачокъ.

Все задремало. Въ лѣсахъ полутьма.

Только не дремлетъ Хозяинъ вверху.

Млѣетъ подъ пнями кошачья дрема.

Росы на мху.

Сонъ да дрема на кого не живетъ?

Только безсонны зѣницы совы.

Править сѣдая безшумный полетъ

Сверху травы.

Править, направить, примѣтитъ, возьметъ.

Сонная одурь. Весь сонъ не испить.

Въ синей стрѣльчаткѣ скопляется медъ,

Влить и разлить.

Ломокъ камышъ. Серебрится изломъ.

Чаша кувшинки въ ночи заперта.

Лѣсъ затянулся зеленымъ стекломъ.

Дымъ отъ куста.

Гдѣ это дѣется? Въ сердцѣ-ль? Во снѣ-ль?

Кто это? Что это кроетъ огнемъ?

Зовомъ приснившимся кличетъ свирѣль: —

„Вмѣстѣ уснемъ?“

Дышетъ дрема. Обступилъ полумракъ.

Срокъ восполняется. Зрѣетъ чередъ.

Вѣдьмино зелье. Колдующій зракъ.

Видитъ. Возьметъ.

О д н о й.

Чую, сердце такъ много любило,
Это сердце терзалось такъ много,
Что и въ немъ умаляется сила
И не знаю, дойду-ли до Бога.

Мнѣ одно съ полнотою не безвѣстно,
Что до Чернаго нѣтъ мнѣ дороги,
Мнѣ и въ юности было съ нимъ тѣсно
И въ степяхъ размышляя я о Богѣ.

Гайдамакъ необузданной мысли,
Я метался по Дикому Полю.

Но въ лазури лампы повисли,
Въ безразсудную глянули долю.

До какой бы ни мчался я грани
И въ какое-бъ ни ринулся мѣсто,
Мнѣ Звѣзда засвѣчалась въ туманѣ,
Весь я помнилъ, что видитъ Невѣста.

Отшумѣли, какъ въ сказкѣ, погони,
Больше нѣтъ мнѣ вспѣннаго бѣга.

Гдѣ мои распаленные кони?

У какого далекаго берега?

По желаннымъ пройду-ли я странамъ?
Подъ пророческимъ буду-ли Древомъ?
По моимъ задремавшимъ курганамъ
Только вѣтеръ летаетъ съ напѣвомъ,

И вращенье созвѣздій небесныхъ
Подтверждаетъ съ небеснаго ската,
Что въ скитаньяхъ моихъ повсемѣстныхъ
Лишь къ Одной я желаю возврата.

О с е н ь .

Я кликнулъ въ поле. Глухое поле
Перекликалось со мной на волѣ.
А въ выси мчались, своей долиной,
Полетъ гусиный и журавлиный.

Тамъ кто-то сильный, ударя въ бубны,
Раскинулъ свисты и голосъ трубный.
И кто-то свѣтлый раздвинулъ тучи,
Чтобъ треугольникъ принять летучій,

Кричали птицы къ своимъ пустынямъ,
Прощаясь съ лѣтомъ, сѣрѣя въ синемъ.
А я остался въ осенней долѣ,
На сжатомъ, смятомъ, бесплодномъ полѣ.

Мнѣ хочется.

Мнѣ хочется расцвѣтовъ полусонныхъ,
При перебѣгѣ косвенныхъ зарницъ.
Мнѣ хочется свиданья звуковъ звонныхъ,
Идущихъ отъ невидимыхъ звонницъ.

Чтобъ звукъ души, идя въ тиши къ другому,
Былъ свѣтомъ-пересвѣтомъ хрусталей.
Чтобъ въ сердцахъ забаякала я истому,
Заслыша бѣгъ-напѣвъ коростелей.

Чтобъ въ памяти, въ сверкающемъ затонѣ,
Въ подводныхъ даляхъ шли на встрѣчу сны-
Чтобъ въ голубыхъ куреньяхъ благовоній
Всходила мысль до лунной вышины.

Г л у б ж е .

Въ бѣломъ ландышѣ вѣнчальномъ свѣтловольный
ароматъ.
Первовѣсть, зачарованье, въ душу ластящийся ладъ.

Хмѣльный сказъ въ немъ влился древле съ
зачинаемъ и концомъ.
Сердце взятое невѣсты, въ бѣломъ платьѣ, подъ
вѣнцомъ.

Скрипки тонкіе запѣвы, всполохъ вѣтра въ вѣткахъ
квѣ.
Отъ истомы до истомы глубию льющийся отливъ.

Въ ждущей чашѣ свѣтъ медвяный, нѣжно-блѣдно-
золотой.
Перезвонъ благословенья, льется благовѣсть густой.

Благовонье глубже, гуще — духъ фіалки, тайна въ ней
Преломившихся, ушедшихъ, задремавшихъ въ грезѣ,
дней.

Страстной схимницы томленье. Глубже-глубже прячетъ
вздохъ.
Инокиня предъ иконой. Ладанъ сердца видитъ Богъ.

Три терема.

Три терема были у насъ златоверхіе,
Въ одномъ расцвѣчается Солнце багряное,
Въ другомъ зазеркалился Мѣсяць серебряный,
По третьему зерна изъ звѣздъ.
Гдѣ легкія санки съ полозьями звонкими?
Куда съ колокольчикомъ скрылись бубенчики?
До этого царства дорога обрывная,
И гулкій обрушился мостъ.

Одинъ только путь сохраненъ необманчивый,
Смотрѣть по-орлиному въ Солнце багряное,
Смотрѣть по-русалочьи въ Мѣсяць серебряный,
Молиться къ звѣздѣ въ вышинѣ.
Тогда оживляются берегъ и озеро,
Все гулкое Море цвѣтетъ синецвѣтами,
И ты, златовѣнчанъ, проходишь три терема,
Въ обрызганномъ сказками снѣ.

Храню я три терема, тѣ златоверхіе,
Вотъ гость на крыльцѣ, съ огневыми зѣницами,
Въ рукахъ его бубенъ, какъ Мѣсяць
всполненный,
Вкругъ бубна — изъ звѣздъ бубенцы.
Велитъ мнѣ брататься съ цвѣтами и птицами,
Вѣнчаться велитъ полевымъ колокольчикомъ,
Надрѣчныхъ набрать златоцвѣтныхъ бубенчиковъ
И бросить во всѣ ихъ концы.

Семизвѣздіе.

Вѣщательно-вѣская сила есть въ числахъ,
Въ нихъ много для насъ говорящихъ примѣтъ.
Такъ въ мощныхъ клыкахъ мастодонта обвислыхъ
Тревожно читаемъ мы тысячи лѣтъ.

Тринадцать — то лунная мѣсяцевъ смѣна,
Двѣнадцать — юнѣйшій — есть солнечный счетъ.
Всѣ числа намъ повѣсть и волны и пѣна,
По числамъ вся жизнь круговая течетъ.

И какъ бы не знали вѣлѣній скрижали
И Море и Звѣзды и Солнце съ Луной, —
Когда семицвѣтно лучи заиграли,
Предъ тѣмъ какъ возникнуть — Державой одной?

И какъ бы не знала Верховная Чаша
Всѣхъ капель кипящихъ — въ ней — силы живой?
Въ псалмѣ числовомъ ихъ — симфонія наша,
Въ ихъ взрывахъ — намъ буря, магнитъ вихревой.

Не все въ письменахъ мы прочтемъ достовѣрно,
Не только здѣсь блески, — и смутная темь.
Мнѣ свѣтитъ, въ своемъ начертаньи размѣрно,
На Сѣверномъ небѣ горящее семь.

Издревле свирѣль семикратно напѣвна,
Звучить въ ней — съ созвѣздій пришедшій къ намъ
звонъ.

И то, что недѣля въ вѣкахъ семидневна,
Не прихоть — цѣлительно-вѣрный законъ.

Чтобъ духъ не обуглился въ зодческомъ зноѣ,
Шесть творческихъ взмаховъ — и отдыхъ, седьмой.

Объ этомъ гласить намъ созвѣздье родное
Всего лучезариѣе — бѣлой зимой.

Пять чувствъ — хороводъ. У поэта шестое
Есть творчество памяти въ видящемъ снѣ.
Седьмое же въ царство ведетъ золотое,
Къ цвѣтку голубому въ творимой странѣ.

Бываютъ минуты, — я вижу всѣ звенья,
Я помню всѣ пути несчетныхъ темницъ.
И какъ я разбилъ ихъ стезей воплощенья
И новой дороги до новыхъ станицъ.

Отъ часа доднѣвья, отъ лика медузы,
Въ себя воспріявшей лазоревый крестъ,
Я вѣдалъ восторги и сбрасывалъ узы,
Я принялъ всѣ жертвы столѣтій и мѣсть.

И развѣ я не былъ змѣей семиглавой,
Какъ воды горѣли и воздухъ былъ рдянъ?
Я мыслю объ этой порѣ величавой,
Когда мнѣ приливный гудитъ Океанъ.

И развѣ не сталъ я малиновкой сѣрой,
Явившей, что сердце ея изъ огня?
Цѣпь ликовъ прошелъ я — и полною мѣрой —
И поступью тигра — и ступью коня.

Откуда бы взялъ я всю рѣдкость клада
Несчитанной страсти ко всѣмъ существамъ?
Все было мнѣ нужно. И вотъ еще надо
Иной камнеломни, чтобъ выстроить храмъ.

Когда упадаютъ дремотно рѣсницы
И я въ многозоркую ночь ухожу,
Поютъ и поютъ голубыя мнѣ птицы,
Что новую нужно пробить мнѣ между.

Донная трава.

Сребролунный горитъ подоконникъ,
Говоритъ хрусталами окно.
Благовонный качается донникъ,
Сновидѣніе манитъ на дно.

Хороши удлиненные кисти,
Голубыми качаетъ одинъ.
А другой, легковѣйно-душистѣй,
Какъ кропило дремотныхъ куртинъ.

Новолуннею полночью сонной
Ихъ кадилъницы знаютъ свой срокъ.
Съ ихъ пахучимъ дыханьемъ созвонный,
Шевелитъ ихъ кусты вѣтерокъ.

Доглядѣть бы всю тайну ихъ взгляда,
Додышать бы цвѣточную кровь,
Досказать бы созвѣздьямъ — что надо,
Чтобъ приснилось желанное вновь.

Додремать все томленье разлуки,
Чтобы любящій вновь былъ любимъ,
И дождаться, чтобъ милыя руки
Дотянулись объятьемъ своимъ.

Потянулъ вѣтерокъ по деревьямъ,
Переметны шуршанья въ вѣтвяхъ,

Къ оснѣженнымъ безвѣстнымъ кочевьямъ
Заскользилъ я въ проворныхъ саняхъ.

Парусами — вздуваются тучи,
Какъ ладьи — сгроможденья снѣговъ.
И лучи упадаютъ, пѣвучи,
На зубчатая кровли домовъ.

Отъ семи легконогихъ оленей
Подъ Луной поднимается паръ.
Я доѣхалъ. Раскрытыя сѣни.
Вотъ онъ, звонъ наливаемыхъ чаръ.

„Заждались“, говорятъ. „Не впервые.
Никогда не торопишься къ намъ“.
И поютъ мнѣ глаза голубые,
Что конецъ здѣсь тоскѣ и вѣтрамъ.

Мы пируемъ въ высококомъ чертогѣ,
Наливаемъ мы Солнце въ хрусталь.
А Луна, закрѣлясь на порогѣ,
Серебрить океанскую даль.

Все­за­вла­дѣ­ва­ю­щая.

Не стукнетъ, не брякнетъ, а уголь темнѣй.
И видно, по спуску нѣмыхъ ступеней,
Что часъ наступаетъ продольныхъ тѣней.

Не скажетъ, не спроситъ, а слышится вздохъ.
Росой зазвѣздился сѣрѣющій мохъ.
И явствененъ въ сердцѣ глаголящій Богъ.

Густѣетъ вліянье таинственныхъ силъ.
Въ душѣ колебанье незримыхъ кадилъ.
И путь свой крыломъ козодой зачертилъ.

Померкъ досіавшій узорный балконъ.
Въ селѣ отдаленномъ смолкающій звонъ.
Глубокою синью налить небосклонъ.

За садомъ бѣлѣетъ прохладою лугъ.
Дневныя свершенья — законченный кругъ.
На небѣ мерцаніе гроздій и дугъ.

Такъ скоро за первой Вечерней Звѣздой
Верховные кони сверкнули уздой,
И Серпъ Новолунній взошелъ надъ водой.

Ладьей отразился въ зеркальномъ пруду.
Все стройно и цѣльно въ своемъ череду.
Въ осокѣ шуршанье, въ ней вѣтеръ въ бреду.

Въ ней старья мысли проснулись опять.
Змѣйные стебли никакъ не унять,
И возлѣ шуршащихъ зазыбилась гладь.

Прямится змѣйный — не выпрямленъ ростъ.
А тихая поступь умноженныхъ звѣздъ
Ужъ Млечный повсюду обрызгала мостъ.

Кто хочетъ, пусть дремлетъ. Кто можетъ, пророчъ.
Лавинная мгла залила узорочъ.
Всемирно мерцаетъ безгласная Ночь.

Колыбельная.

Я всегда убаюканъ колыбельною пѣсней,
Передъ тѣмъ какъ въ ночи утонуть,
Гдѣ, чѣмъ дальше отъ яви, тѣмъ страннѣй и чудеснѣй
Открывается сказочный путь.
Въ дни какъ былъ я ребенкомъ, это голосъ былъ няни,
Уводившій меня въ темноту,
Гдѣ цвѣты собиралъ я для пѣвучихъ сказаній,
Ихъ и нынѣ въ вѣнокъ я сплету.
Въ дни какъ юношей былъ я, мнѣ родныя деревья
Напѣвали шуршаньемъ вершинъ,
И во снѣ уходилъ я въ неземныя кочевья,
Гдѣ любимый я былъ властелинъ.
А позднѣй и позднѣе все грознѣй преступленья
Завивали свой узелъ кругомъ.
Но слагала надежда колыбельное пѣнье
И журчала во мнѣ родникомъ.
И не знаю, какъ это совершилось такъ скоро,
Что десятки я лѣтъ обогнулъ.
Но всегда предъ дремотой слышу пѣніе хора,
Голосовъ предвѣщающихъ гуль.
А теперь, какъ родная такъ далеко Свѣтлана,
И на чуждомъ живу берегу,
Я всегда засыпаю подъ напѣвъ Океана,
Но въ ночи — на родномъ я лугу.
Я иду по безмѣрнымъ распростертымъ просторамъ,
И, какъ вѣтеръ вокругъ корабля,
Возвѣщаютъ мнѣ рѣки, приближаясь къ озерамъ,
Что безсмертна Родная Земля.
А безмѣрная близко расплескалась громада,
И всезвѣздный поетъ небосводъ,
Что ниспосланный путь мой весь измѣрить мнѣ надо
И Свѣтлана меня позоветъ.

М а т ь.

Птицебыстрая, какъ я,
И еще быстрее.
Въ ней былъ вспѣвный звонъ ручья
И всегда затѣя.
Чуть ушла въ расцвѣтный садъ,
Съ нею я, ребенокъ,
Вотъ ужъ въ домъ пришла назадъ,
Цѣлый домъ ей звонокъ.
Утромъ, чуть въ лугахъ свѣтло,
Миѣ еще такъ спится,
А она, вскочивъ въ сѣдло,
На конѣ умчится.
Бродятъ свѣты по зарѣ,
Чада ночи древней.
Топотъ брызнулъ на дворѣ,
Онъ ужъ за деревней.
Сонной грезой счастье длю,
Чуть дрожатъ рѣсницы.
„Ахъ, какъ маму я люблю,
Садъ нашъ — садъ Жаръ-Птицы!“
Долгій, краткій-ли тотъ срокъ,
Сны всегда — обновы,
А къ крыльцу ужъ — цокъ-цокъ-цокъ,
Скокъ и цокъ подковы.
Вся разметана, свѣжа,
Все въ ней — воскресенье.

Развѣ только у стрижа
Столько нетерпѣнья.
„Ты куда же въ эту рань,
Мама, уѣзжала?“
Въ губы чмокъ, — и мнѣ, какъ дань,
Ландышей не мало.
„Ну, скорѣе день встрѣчай“,
Я бѣгу веселый.
Какъ хорошъ душистый чай
На сирени пчелы.
Мать веселія полна,
Шутками прекрасна.
Съ ней всегда была — весна
Для зимы опасна.
Только вздумаешь взгрустнуть, —
У нея лѣкарство
Мысль послать въ лучистый путь.
Въ радостное царство.
„Ты чего тамъ приуныль?
Морщить лобъ свой рано“.
И смѣется, смѣхъ тотъ милъ,
Плещеть фортепяно.
Зналъ я въ раннихъ тѣхъ мечтахъ,
Какъ безъ словъ любовень
Храмовой ручьиный Бахъ,
Вѣщій дубъ, Бетховень
Какъ возносить въ высоту,
Уводя изъ плѣна,
Шуманъ, нѣжащій мечту,
Лунный взлетъ Шопена.
Какъ плѣнительно тонуть
Въ Моцартъ и Глюкъ.

И обнять кого-нибудь
Странно жаждутъ руки.
Какъ въ родную старину
Мчитъ пѣвучій Глинка.
Съ ними къ творческому сну
Льну и я, былинка.
Сладко въ память заглянуть,
Въ глубь такой криницы,
Гдѣ подводный виденъ путь
Къ сказкѣ Царь-Дѣвицы.
Такъ предвидя, угадать
Сказъ о дивномъ зельи
Въ жизни можетъ только мать,
Мудрая въ весельи.
И позднѣй, какъ дни, созрѣвъ,
Меньше дали свѣта,
Превращать тоску въ напѣвъ
Кто училъ поэта?
Былъ инымъ я утолень,
Зналъ иныя жажды,
Но такой лучистый сонъ
Снится лишь однажды.

Я.

Въ мои глаза вошли поля, моря, лѣса,
Мои зрачки — огонь, въ нихъ Солнце задремало.
Люблю Вселенную. Я вѣрю въ чудеса.
Они во всемъ, что ширь и что предѣльно-мало.

Мы загораемся сквозь сумракъ голубой,
Когда, незримые, вступаемъ въ мѣръ зачатій,
И благо, если кто отмѣченъ такъ Судьбой,
Что онъ въ себѣ самомъ хранить ея печати.

Какой изъ дальнихъ звѣздъ залюбовалась мать?
Въ какое изъ свѣтилъ взглянулъ отецъ когда-то?
Объ этомъ можемъ мы лишь мыслить и гадать,
Но въ насъ мерцаетъ слѣдъ разсвѣта и заката.

Есть смыслъ въ реченіи старинной изъ примѣтъ.
Что въ рыжихъ волосахъ всегда костеръ ярится.
Я быстро обогнулъ пролетъ горячихъ лѣтъ,
Но сѣдина ко мнѣ не смѣетъ подступиться.

Чуть-чуть лишь по вискамъ отъ полносчетныхъ зимъ
Неясно проступилъ осенній свѣжій иней,
Но все еще лѣснымъ пожаромъ я гонимъ
Куда-то, гдѣ найду — цвѣтокъ мечтанья синій.

До головы моей, когда родился я,
Коснулся свѣтлый лучъ зари юньской, нѣжной.
Пребудь лобзаемой, Господь, рука Твоя
Дозволь мнѣ полностью пройти Твой мѣръ
безбрежный.

Ты жаворонка мнѣ явилъ среди полей,
Окуталь ночь мою всей страстью соловьиной,
Даль зиму бѣлую, въ ней звоны хрусталаей,
Упругій, гулкій ледъ и лунный лучъ надъ льдиной.

Внушивъ, когда искалъ я золотыхъ ключей,
Что, красоту любя, свершаешь Божье дѣло,
Ты мнѣ велѣлъ желать, хотѣть все горячѣй,
Внутри и внѣ искать, не звать ни въ чемъ предѣла.

Я полюбилъ просторъ всѣхъ царствъ и многихъ водъ,
Отъ Скандинавіи, гдѣ я скользнулъ сквозь шхеры,
Какъ зерна въ Океанъ за годомъ бросилъ годъ,
Морями Южными поилъ мои размѣры.

Звучали пѣсни мнѣ. Я самъ ихъ пѣлъ вездѣ.
Отъ Семизвѣздія далеко уплывая
До Южнаго Креста, молился той звѣздѣ,
Что гдѣ-то въ снахъ ночей, у самага ихъ края.

Красивая Земля дарована земнымъ,
Красиво въ неземномъ отыскивать земное
И видѣть, что земной мой сельскій бѣлый дымъ
Восходитъ къ небесамъ въ пространство голубое.

Узорная мечеть, гдѣ кличетъ муэzzинъ,
Багряно-желтые въ лучахъ пески Сахары,
Священный Бенаресъ, — не тотъ-же-ли одинъ
Все это — сонъ Земли, людского сердца чары?

На южныхъ островахъ, гдѣ вѣчная весна,
Къ ребенку наклонясь, съ напѣвомъ, Самоанка
Не та-же-ли все Мать? Не такъ-же-ли она
Божественно-ясна, какъ Русская крестьянка?

Но, міръ поцѣловать и весь его крестомъ
Въ четырёхкратности пройдя необозримый,

Не какъ заморскій гость вступаю въ Отчій Домъ,
И нѣтъ, не блудный сынъ, а любяще-любимый.

Когда въ младенчествѣ я шелъ въ дремучій лѣсъ,
Я пропадалъ весь день до самаго заката,
И на опушкѣ ждалъ, чтобъ крайній лучъ исчезъ,
Чтобъ былъ вдвойнѣ, втройнѣ желаннымъ мигъ
возврата.

Я мѣру яблокъ взялъ отъ яблонь всѣхъ садовъ.
Я видѣлъ Божій Кустъ. Я знаю ковы Змія.
Но только за одну я все принять готовъ, —
Сестра моя и Мать! Жена моя! Россія!

Пологъ.

О, рдяный кубокъ, сердце міра, Солнце,
Тыходишь въ ночь, преображаясь въ Мѣсяць,
Ты, множась бездной солнць, являешь звѣзды,
Свершая всезидительную волю,
За быстрымъ днемъ полночный строишь пологъ,
И бьется въ скалы стонущее Море.

Подъ небомъ сверху — небо снизу — Море,
Въ груди людской — костеръ замкнутый — Солнце,
Рѣсницы глазъ упали — вѣщій пологъ,
Укрыты сны, глядится въ зыбь ихъ — Мѣсяць,
И, даль смѣнившись въ близь, прядеть въ ней
волю,
Въ бездонность сновъ изъ безднъ ниспали звѣзды.

Качаются въ волнахъ морскія звѣзды,
Вскормило ихъ, вспоило нѣмость — Море,
Въ нихъ вбросило невысказанность, волю,
Въ ихъ тѣлѣ аметистъ, предвечерь, Солнце,
Въ иныя лунный камень вбросилъ — Мѣсяць,
Изъ дальнихъ далей здѣшній ткется пологъ.

Я сплю, кругомъ сомкнулся дымный пологъ,
Мерцанье перебрасываютъ звѣзды,
По краю кровли водить душу Мѣсяць,
О дняхъ додневныхъ, гулко вторитъ Море,

Я чувствую, что проходилъ я Солнце,
Ушелъ отъ Солнца, выполняя волю.

Верховную я выполняю волю,
Творя во снѣ, качаю звѣздный пологъ,
Внутри меня проводить дуги Солнце,
Мой черный камень палъ съ высотъ, гдѣ звѣзды,
Въ моей крови — всепомнящее Море,
Подъ вѣками — зеркальный дремлетъ Мѣсяць.

Какъ Солнцемъ живъ горящій ночью Мѣсяць,
Такъ, ворожа, мою безбрежить волю
Сомкнутое единымъ кругомъ Море,
Полночный звукъ, полночный шепчетъ пологъ,
И розсыпъ драгоценныхъ свѣтовъ, звѣзды,
Гласятъ, что въ насъ немеркнувшее Солнце.

О, Солнце, я съ тобой — смотря на Мѣсяць,
Вы, звѣзды, мнѣ въ цвѣтахъ поите волю,
Раздвинуть пологъ, въ грудь мнѣ льется Море.

Водоворотъ.

Я впалъ однажды въ пасть водоворота,
Зеленыхъ свѣтовъ было въ немъ мерцанье,
Въ волнахъ я чуялъ хоть существъ звѣриныхъ,
Былъ петлей кругъ, во всемъ была угроза,
Я щепкой былъ, безъ силъ, безъ думъ, безъ воли,
И все же я узналъ освобожденье.

Какой восторгъ — узнать освобожденье,
Извѣдавъ зѣвъ и власть водоворота,
Рожденье вновь — за рабствомъ выпить воли,
Душа — какъ пламя, опытъ — лишь мерцанье,
Угрозѣ міра — въ духѣ есть угроза,
Я человѣкъ, я царь существъ звѣриныхъ.

Во мнѣ есть также взрывъ страстей звѣриныхъ,
Въ ихъ хмѣлѣ видѣлъ я освобожденье,
Я зналъ, что въ Морѣ каждый мигъ угроза,
Но я не зналъ игры водоворота,
Я въ грозное бросился мерцанье,
Я въ Морѣ плылъ, дабы коснуться воли.

Вскипанье волнъ виномъ мнѣ было воли,
Былъ пѣсней ревъ ихъ голосовъ звѣриныхъ,
Пьянило переметное мерцанье,
Вступая въ плѣнь, я пѣлъ освобожденье,
Не зналъ, что я въ руслѣ водоворота,
Надводность — плясъ, подводный токъ — угроза.

Пружиной тайной двигалась угроза,
Меня схватилъ захватъ исподней воли,
Игралищемъ я былъ водоворота,
Былъ мячъ бѣсовъ, средь хохотовъ звѣриныхъ,
Ужъ снилось мнѣ — лишь смерть освобожденье,
Но валъ бѣжалъ, и было въ немъ мерцанье.

Зеленый змѣй, могучій валъ, — мерцанье, —
Бѣжалъ на пересѣкъ, и съ нимъ угроза
Водовороту, мнѣ — освобожденье,
Въ мое онъ сердце брызнулъ мощью воли,
Исторгъ меня изъ омутовъ звѣриныхъ,
Принесъ къ землѣ изъ мглы водоворота.

Ни ходъ водоворота, ни мерцанье
Зрачковъ звѣриныхъ — духу не угроза,
Кто хочетъ воли, въ немъ освобожденье.

О с е н ь.

Какъ пламенѣтъ огненная осень,
Въ ней красочнаго болѣе расцвѣта,
Чѣмъ въ самый яркій, звонкій полдень мая,
Она прозрачнѣй, чѣмъ іюньскій воздухъ,
Сентябрь соединяетъ царскій пурпуръ
Съ тѣмъ золотомъ, что вѣдаетъ бездонность.

Воздушной синью залита бездонность,
Духотворить всю безпредѣльность осень,
Еще на бересклетѣ рдѣетъ пурпуръ
Какъ будто бы весенняго расцвѣта,
Но свистъ синиць, пронзая чистый воздухъ,
Гласить, что далеки напѣвы мая.

Онъ слишкомъ былъ громоздкимъ, праздникъ
мая,
Забыта въ немъ сполна была бездонность,
Отъ цвѣта всѣхъ деревъ хмѣльной былъ воздухъ,
Но въ каждомъ поцѣлуѣ скрыта осень,
Багряный макъ, разливъ огонь расцвѣта,
Ярится пожаръ, поить кровавый пурпуръ.

Въ пронзенномъ страстью сердцѣ плещетъ
пурпуръ,
Душа скорбитъ, что ломко счастье мая,
Предѣль намъ — въ самомъ запахѣ расцвѣта,

Коснувшись дна, мы рушимся въ бездонность,
И развѣ плодъ — не смерть цвѣтка, не осень,
Вкругъ красныхъ яблокъ грустью дышетъ
воздухъ.

Когда допѣта пѣсня, грустенъ воздухъ,
Когда дожегся день, закаты пурпуръ,
Чу, въ голосѣ стрекозъ такая осень,
Что чудится — и не было намъ мая,
Со всѣхъ сторонъ въ насъ глянула бездонность,
Пойми не цвѣтъ цвѣтка, а смыслъ расцвѣта.

Предъ смертью въ листьяхъ — всѣ цвѣта
расцвѣта,
Весь въ золотѣ сентябрьскій гулкій воздухъ,
Кликъ журавлей сквозь синюю бездонность
Уводитъ мысль туда, гдѣ вѣчный пурпуръ,
Отъ жизни — къ жизни, чрезъ пороги мая —
Въ созвѣздность зимъ, въ пасхальность — черезъ
осень.

Верховна осень, въ ней всецвѣтъ расцвѣта,
Превыше мая проясненный воздухъ,
До завтра пурпуръ прячется въ бездонность.

Вечеръ.

Онъ голубой, онъ въ глубь уводитъ, вечеръ,
Въ немъ крайній мигъ свой, рдѣя, знаетъ Солнце,
Серебряной ладьей всплываетъ Мѣсяць,
Вступаетъ мѣръ дневной въ преображенье,
И синева съ Вечернею Звѣздою
Средь пѣсенъ міра лучшая есть пѣсня.

Я помню часъ, вдали звучала пѣсня,
Та, лучшая, въ мой первый вѣщій вечеръ,
Я былъ ведомъ невѣдомой звѣздою,
Далекой, словно въ Вѣчность плыло Солнце,
Я полюбилъ, любовь — преображенье,
За лѣсомъ выплывалъ огромный Мѣсяць.

Пурпуровый, плывя, сталъ бѣлымъ Мѣсяць,
Звеня, вдали, звучала въ сердцѣ пѣсня,
Разросся лѣсъ, пріявъ преображенье,
Въ юнѣ ночь — лишь углубленный вечеръ,
И чудилось, что, закатившись, Солнце
Горѣло вновь — Вечернею Звѣздою.

Не яркой-ли огромною звѣздою
Впервые, древле, всплылъ въ лазури Мѣсяць?
Не жаркой-ли звѣздою было Солнце,
Когда возникла творческая пѣсня,
И день былъ съ ночью, утро было вечеръ,
И все — канунъ, и все — преображенье?

Блаженъ, кто зналъ, за мглой, преображенье,
Блаженъ, кто путь свой выпрямилъ звѣздой,
Люблю тебя, проникновенный вечеръ,
Люблю тебя, мѣняющійся Мѣсяць,
Жива лишь переменной звука пѣсня,
Мѣняя насъ, ведетъ насъ къ счастью Солнце.

Межъ всякихъ вѣръ я вѣрю только въ Солнце,
Оно взойдетъ, — и въ насъ преображенье,
Любовь придетъ, — и въ птичьемъ горлѣ пѣсня,
Звѣзда должна стремиться за звѣздой,
Любовь, ты Солнце, за тобой я, Мѣсяць,
Вся наша жизнь — предъ новымъ утромъ вечеръ.

Зеркальный вечеръ въ глубь уводитъ Солнце,
Чтобъ глянулъ Мѣсяць, путь въ преображенье,
И въ сребросинь звѣздой всходитъ пѣсня.

Н о ч ь .

Зазывчиво молчанье черной ночи,
Таитъ міры сверкающая бездна,
Вскипаетъ жизнь въ ней, въ обрамленьи
смерти,
Ведомая развѣдчивой любовью,
Въ ней слышится заслушавшейся мысли
Всеблаговѣсть, бездонная всезвучность.

Какъ колоколь — безмѣрная всезвучность,
Исходятъ изъ величественной ночи
Ручьистые вѣтвящіяся мысли,
Питаютъ корни ихъ — нѣмая бездна,
Оазисы изваяны любовью
Въ пустынь — подчиняющейся смерти.

Не побѣдитъ неизслѣдимой смерти,
Гудящая роями думъ, всезвучность,
Но будетъ жизнь всегда, горя любовью,
Выковывать въ міры желѣзо ночи,
И синяя не утомится бездна
Ростить — во тьмѣ корнящіяся — мысли.

Звѣзда къ звѣздѣ, отъ мысли къ дальней
мысли,
Бросаетъ звонъ волна въ плотину смерти,
Ликують жорла мрака, плещетъ бездна,

Созвѣздная раскинулась всезвучность,
Онъ черный, черенокъ кинжальной ночи,
Но золото по стали — мысль съ любовью.

Глядящій въ ночь всегда пронзень любовью,
Изъ сердца брызжетъ жизнь, скрѣпились
мысли,
Издревле ночь — одна, и въ ней всѣ ночи,
Она глядитъ, зракъ міра, въ пропасть смерти,
Глаголетъ первозданная всезвучность,
Что грозная не потопляетъ бездна.

Не топить душу въ черныхъ глубяхъ бездна,
Всегда — умершій воскрешень любовью,
Гудятъ колокола, поетъ всезвучность,
Крылатый рой, созвенья, гроздья мысли,
Воистину взростаетъ жизнь изъ смерти,
Шумятъ лѣса дремучей черной ночи.

Изъ древней ночи новью плещетъ бездна,
Завѣса смерти взвихрена любовью,
Въ упорной мысли — вѣрная всезвучность.

Ю Н О С Т Ь .

Какая опрометчивая юность,
Въ ней все — мечта, загадка и зеркальность,
Ей любо отразить въ себѣ все небо,
Она въ дремучій лѣсъ вступаетъ съ пѣсней,
Не чувствуетъ, о чемъ шумятъ вершины,
И тонетъ въ неожиданной печали.

На рубежѣ таинственной печали,
Въ ненасытимой жадѣ грусти юность,
Ей говорятъ древесныя вершины,
Что въ мирѣ опрокинута зеркальность,
Нѣмая синь не отвѣчаетъ пѣсней,
Лишь говоритъ огнемъ и громомъ небо.

Не высота, а глубь и бездна — небо,
Въ немъ свитокъ неисчисленной печали,
И страстью, сказкой, жаждой, мыслью,
пѣсней,
Всѣмъ тѣмъ, что манитъ и волнуетъ юность,
Въ бездонную откинувшись зеркальность,
До острой мы касаемся вершины.

Какъ шелестятъ, поютъ, шумятъ вершины
О томъ, что отъ земли отдѣльно небо,
Что, глянувъ ницъ въ затонную зеркальность,
Звѣзда всегда исполнена печали,

И что всегда, идя, проходить юность,
И гдѣ она, — за лѣсомъ скрылась съ пѣсней.

Старинной многоопытною пѣсней,
Вѣщаютъ многолиственно вершины,
Что гдѣ-то тамъ за лѣсомъ тонетъ юность,
Лишь зачерпнувъ чуть-чуть нѣмое небо,
И все же столько взявъ въ себя печали,
Что ею вся полна ея зеркальность.

Лѣсное эхо, призракъ, зовъ, зеркальность,
Невнятный сказъ, пропѣтый дальней пѣсней,
Блестящій лучъ, упавшій въ грань печали,
Шумящія древесныя вершины,
Что зыбью всходятъ, а не входятъ въ небо,
Такая ты, всегда такая юность.

О, юность, ты алмазная зеркальность,
Ты чуешь небо, мѣришь землю пѣсней,
Дойдя вершины, не уйдешь печали.

К а п л я .

И чую жизнь — какъ золотую розсыпь,
И осыпь самоцвѣтовъ мнѣ — мгновенья,
Я тихо услаждаюсь тайнымъ звономъ,
Живу, грущу, люблю и помню Вѣчность,
О цѣломъ Солнцѣ говоритъ мнѣ капля,
Въ ней радуга и синее въ ней Море.

Всегда гудитъ и съ плескомъ стонетъ Море,
Поверхъ валовъ бѣлѣетъ влаги розсыпь,
Живетъ и свѣтитъ каждая въ немъ капля,
Бѣжитъ вокругъ всей Земли тропой мгновенья,
Въ немъ утромъ—часъ мой, темной ночью —
Вѣчность,
И обо всемъ поетъ разгуднымъ звономъ.

И свадебнымъ, и похороннымъ звономъ
Вхожу въ неисчерпаемое Море,
Вокругъ меня — лазурной рамой — Вѣчность,
Въ моей судьбѣ—каменей рѣдчайшихъ розсыпь,
Живя, живу, и музыкой мгновенья
Въ моей крови любая плещетъ капля.

Я помню, какъ упала съ неба капля,
Ударясь въ крышу дома съ легкимъ звономъ,
Я былъ дитя, но, власть понявъ мгновенья,
Постигъ, что въ Небѣ мощное есть Море,

Что дождь, и громъ, и молнія есть розсыпь.
Но въ розсыняхъ не истощится Вѣчность.

Съ тѣхъ поръ меня не покидаетъ Вѣчность,
За каплей крови въ стихъ нисходитъ капля,
Всѣхъ красокъ міра зналъ я въ мірѣ розсыпь.
На всѣхъ моряхъ мечту баюкалъ звономъ,
И никогда мнѣ не измѣнитъ Море,
Ведя меня въ мірахъ стезей мгновенья.

Вы, крылья райской птицы, вы, мгновенья,
До смерти пойте мнѣ, какъ дышетъ Вѣчность,
Приливомъ и отливомъ живо Море,
Я капля въ немъ, но какъ богата капля,
За молніей я падаю со звономъ,
И вокругъ меня цвѣтовъ несчетна розсыпь.

Живая розсыпь краткаго мгновенья
Пѣвучимъ звономъ намъ вѣщаетъ Вѣчность,
И капля я, но путь всѣхъ капель—въ Море.

Віолончель и скрипка.

Яну Кроллю.

ЛѢСНАЯ.

Медовый цвѣтъ. Осенняя дубрава.
Въ послѣдній разъ жива собой заря
Листвы, въ чѣмъ взблескъ царственная слава,
Багряно-желтый праздникъ сентября.
Медвяный хмѣль и грусть въ медовомъ хмѣлѣ,
Воспомяненья — къ нити златонить,
Тягучій гуль и гудъ віолончели
Не хочеть-хочеть лѣто схоронить.
И, прежде чѣмъ, хрустя, придуть морозы,
Преображая даль пути въ сугробъ,
Листва — нарциссы желтые и розы,
Изъ золота изваянь мигомъ гробъ.
Верхомъ, вдвоемъ, на двухъ коняхъ буланыхъ,
Мы проѣзжали пустошью лѣсной,
И сердце было все въ расцвѣтахъ рдяныхъ,
Но молча духъ мой пѣлъ, что ты со мной.
Въ лазури журавли тянулись клиномъ,
Безбрежный блескъ — въ себѣ былъ смыслъ
и цѣль,
И съ медленностью, свойственной былинамъ,
Лѣсная пѣла намъ віолончель.

ВІОЛОНЧЕЛЬ И СКРИПКА.

Віолончель — влюбленная Славянка,
Въ ней медленно развитіе страстей,
Она не поцѣдуетъ спозаранка,
Неспѣшенъ ходъ ея къ чертѣ огней.

А скрипка — юная Испанка,
А скрипка — молнія и пьянка,
И каждый мигъ — зарница въ ней.

Віолончель — глубокий путь потока,
Пробившаго дремавшую скалу,
Вершинный говоръ-гулъ ствола къ стволу.

А скрипка — птица, одиноко
Поющая сквозь мѣсячную мглу.
И скрипка ластится, какъ свѣты къ водоему,
Стрѣлой тончайшею свою пронзаетъ цѣль.
Но полнолѣвную истому
Мнѣ только дастъ віолончель.

СКРИПКА.

Скрипка — вскрики, всплески, пламя,
Горло птицы, гудъ жука,
Въ чащѣ лѣса, ночью, въ ямѣ,
Пересвѣты свѣтляка.

Въ мшистой яминѣ, въ ложбинѣ,
Ключъ, разбрызгавшій свой токъ,
Съ сердцевинной златосиней,
Сказкой дышащій цвѣтокъ.

Полнымъ ходомъ пляшетъ танецъ,
Поцѣлуй къ струнѣ въ смычокъ,

Сразу вспыхнувшій румянецъ
На застѣнчивой щекѣ.
Кто-то вспомнилъ что-то гдѣ-то,
Самого себя ища,
Въ яркомъ выступѣ просвѣта
Бьется листъ о листъ плюща.
Камня луннаго окраска —
Въ глубь себя вошедшихъ — словъ,
Паутинная завязка
Неразвязанныхъ узловъ.

СМЫЧОКЪ НАДЪ СТРУНОЙ.

Казался мнѣ страннымъ смычокъ надъ струной,
Какъ будто бы кто-то, склонясь надо мной,
Ласкалъ меня иѣжно, но лаской бѣя,
Чтобъ въ страсти душа обнажилась моя,
И вскрикомъ душа, не стыдясь, возвѣщала: —
„Люби меня! Мучь меня! Мало мнѣ! Мало!“
Казалась мнѣ странной струна подъ смычкомъ,
Себя узнавалъ въ захмѣлѣвшемъ другомъ,
Въ томъ пальцѣ, дрожавшемъ вдоль зыбкой
струны,
Въ аккордѣ, пропѣвшемъ глубокіе сны: —
Захватъ — для отдачи и въ сладостномъ плачѣ
Свершенье — издревле намъ данной задачи.

ВЪ КАРПАТАХЪ.

Въ горахъ я видѣлъ водопадъ,
Тамъ въ Татрахъ, въ лонѣ бурь, въ Подгалѣ,
Звучаній бѣшенныхъ въ немъ ладъ,
Вверху — гранитныя скрижали.

И кличетъ тамъ орелъ къ орлу,
Надъ пряжей влаги разъяренной,
Что, кто восходитъ на скалу,
Нисходитъ въ долъ — преображенный.
И въ рокотѣ гремящихъ водъ,
Гдѣ вскипъ со вскипомъ въ вѣчной сшибкѣ,
Какъ будто птица мглы поетъ,
И въ тонкомъ вспѣвѣ струны скрипки.
И какъ у скрипки есть аккордъ,
Когда всѣ струны, всѣ четыре,
Вспоютъ вспѣвъ, что гулокъ, гордъ,
Ведутъ полетъ мечты все шире, —
И вдругъ смѣняются однимъ
Уклономъ вкось, — разрывъ въ узорахъ,
Пронзенный вопль, и звукъ — какъ дымъ,
Какъ зовъ тѣней, какъ дальній шорохъ, —
Такъ многогулкая вода,
Достигши ярости забвенной,
Вдругъ станетъ смутной, какъ слюда,
И сѣдяю брызжетъ пѣнной.
Не есть-ли въ этомъ полный кругъ
Пробѣговъ ищущаго духа —
До семицвѣтныхъ тихихъ дугъ,
Гдѣ громъ слѣпой не ропщетъ глухо?
И не о томъ-ли вѣщій сказъ,
Что клекотомъ орлы сѣдые
Роняютъ, озаря насъ,
Въ горахъ, гдѣ каменные выи?
И потому въ разгулѣ водъ,
Гдѣ вскипъ со вскипомъ въ вѣчной сшибкѣ,
Глубинный голосъ горъ поетъ,
И вѣрный голосъ мудрой скрипки.

Судьба.

Судьба мнѣ даровала въ дѣтствѣ
Счастливыхъ ясныхъ десять лѣтъ,
И долю въ солнечномъ наслѣдствѣ,
Внушивъ: „Гори!“, — и свѣтъ пропѣтъ.

Судьба мнѣ повелѣла, юнымъ,
Влюбляться, мыслить и грустить.
„Звени!“ шепнула, — и по струнамъ
Мечу я звуковую нить.

Судьба, старинной брызнувъ сагой,
Взманила въ таюшій предѣлъ,
И птицей, вѣтромъ и бродягой,
Весь міръ земной я облетѣлъ.

Судьба мнѣ развернула страны,
Но въ каждой слышала я: „Спѣши!“
Съ душою мигъ познавъ медвяный,
Еще другой ищу души.

Судьба мнѣ показала горы
И въ океанахъ острова.
Но въ зоряхъ таютъ всѣ узоры,
И только жажда зорь жива.

Судьба дала мнѣ, въ буряхъ страсти,
Вскричать, шепнуть, пропѣть: „Люблю!“
Но я, на зыби сопричастій,
Бралъ вѣтеръ кормчимъ къ кораблю.

Судьба, сквозь рядъ десятилѣтій,
Огонь струитъ мнѣ златоаль.
Но я, узнавъ, какъ мудры дѣти,
Ребенкомъ быть не пересталь.

Судьба даетъ мнѣ вѣдать пытки,
На бездорожьи нищету.
Но въ пѣснѣ — золотые слитки,
И мой подсолнечникъ — въ цвѣту..

Жаждою далей.

„Жаждою далей и ширей..“

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

Изъ письма.

Жаждою далей и ширей,
Жаждою новыхъ наитій,
Намъ открываются въ мѣрѣ
Свѣтлыя, тонкія нити.

Въ звонкой Севильѣ. Я солнцемъ одѣтъ.
Смуглые лики, но яркій въ нихъ свѣтъ.
Въ пляскѣ — завязка для нѣжныхъ побѣдъ.
Къ пляскѣ зоветь перехрустѣ кастаньетъ.

Въ сердцахъ, въ просторахъ багряныхъ,
Плещеть горячая птица,
Кличетъ о сказочныхъ странахъ,
Чуетъ желанныя лица.

Вѣчно-ли зелень родимыхъ долинъ?
Все-ли мнѣ узкій отрѣзанный клинъ?
Гдѣ-то о звѣздахъ поетъ бедуинъ.
Въ мѣрѣ одинъ — самъ себѣ господинъ.

Стѣны, подвалы и крыши,
Изгородь — мыслямъ препона,
Мы — не запечныя мыши,
Нѣтъ намъ такого закона.

Наша порода — два сильныхъ крыла.
Страпствіе — юность, а юность свѣтла.

Если же юность за горы ушла,
Радость полета всегда весела.
Въ вѣтрѣ летѣть альбатросомъ,
Рыбою плыть въ Океанѣ,
Серной бродить по откосамъ,
Къ срыву, за срывы, за грани.
Солнце горячимъ проходить путемъ.
Вѣруя въ Солнце, за Солнцемъ идемъ.
Море пѣвучій поить кругоемъ.
Съ Моремъ и съ вѣтромъ мы волю поемъ.
Гондола, стругъ и каноа,
Въ чемъ бы ни плыть, уплывая.
Сказку сложить — на Самоа,
Пѣсню — на высяхъ Алтая.
Если горѣнье, — горѣть я хочу.
Если боренье, — съ мечомъ я къ мечу.
Буря-ли кличетъ, — разметанность мчу.
Громъ-ли, — откликнусь, — грохочетъ
онъ, — чу!

К л а д ъ .

Далеко, за синими горами,
За седьмой уступчатой горой,
Древній кладъ зарытъ въ глубокой ямѣ,
Досягни и, взявъ свой заступъ, рой.

Предъ горами мертвыя пустыни.
Помни, въ нихъ самумъ и нѣтъ воды,
Средь песковъ отъ вѣка и донинѣ
Череповъ скопляются ряды.

Многіе достигли здѣсь предѣла.
Это тѣ, что взять хотѣли кладъ,
Но въ пути хотѣнье охладѣло,
Пожелало путь найти назадъ.

Захвати на долгія недѣли
Мѣхъ съ водой и пей лишь по глоткамъ, —
Ты песчаной избѣжишь постели
И дойдешь къ взнесеннымъ въ высь горамъ..

Но не всё опасности пропѣты.
Чуть дойдешь до грани синихъ горъ,
Ты увидишь бѣлые скелеты
Тѣхъ, чей былъ не прямъ, а косвенъ взоръ.

Вожелай заманчиваго клада,
Но не хотью жаждай лишь, — душой.
Низменнаго горному не надо,
Для низинъ верховный міръ — чужой.

И не всё опасности пропѣла
Въ звонкости упругая струна.

Сможешь-ли взойти на гору смѣло?

Предъ тобой — отвѣсная стѣна.

Посмотри, отмѣченъ краснымъ цвѣтомъ

Не одинъ, а сто одинъ уступъ.

Многое сокрыто подъ запретомъ,

Въ древнихъ башняхъ вѣрно выбранъ срубъ.

По ущельямъ зоркія есть рыси,

Барсъ пятнистый ходитъ въ тишинѣ.

И отрадна-ль сизъ взнесенной выси

Для лежащихъ въ пропасти на днѣ?

Отъ горы къ горѣ мостовъ не строятъ,

Отъ вершинъ лишь зори до вершинъ

Взоръ взошедшихъ нѣжатъ и покоятъ,

Ночь придетъ, и строятъ ковы джинъ.

Запоетъ, какъ пѣсня мѣсть родимыхъ,

Прошепнетъ невѣстой: „Гдѣ же ты?“

Явить ликъ свой въ пламенахъ и въ дымахъ,

Чтобъ тебя низвергнуть съ высоты.

Но, когда молитвенной душою

Ты хранишь святыя письма, —

Но, когда, всѣ тайны бравшій съ бою,

Сто ночей прободрствуешь безъ сна, —

Завершишь ты мѣру испытаній,

Закруглишь недостававшій счетъ,

И тебя до клада мірозданій

Радуга сквозь грозы приведетъ.

А когда дойдешь къ глубокой ямѣ,

Заступъ взявъ, на высь взгляни — и рой.

Къ намъ придешь — увитый жемчугами,

За седьмою скрытыми горой.

Т и ш ь

Вър'Саннъ.

Выпаль, и принять, и полностью выполненъ
жребій.

Тихо въ душѣ. Тишина на землѣ и на небѣ.
День отшумѣлъ, и умчался табунъ длинно-
гривыхъ.

Гдѣ они, кони? Беззвучье въ лугахъ и на
нивахъ.

Было-ли много веселія, было-ли мало,
Пѣсни умолкли. Село надъ рѣкой задремало.
Было-ли мало томленія, было-ли много,
Воды рѣки — позабывшая путь свой дорога.
Въ вышнемъ сапфирѣ свѣтильники-гроздья
повисли.

Темныя лодки на водахъ — забытыя мысли.
Вѣтеръ предъ ночью растаялъ въ лѣсу по
вершинамъ.

Тонкою зыбью остался въ листочкѣ единомъ.
Только въ мгновеніи, въ плескѣ разсыпчатомъ,
гибко
Вынырнетъ — юркъ — унырнетъ серебристая
рыбка.

Только дергачъ, безъистомный въ желаніи
жгучемъ,
Тишь отѣняетъ, въ пробѣгѣ, напѣвомъ
тягучимъ.

Словно умножась, и здѣсь онъ, и тамъ, и
повсюду.
Къ Ночи кричить: „Не забуду и голосомъ буду“
Ночь безглагольна. Все глубже, и глуше, и
тише.
Млечнымъ Путемъ заливаешь сапфиръ свой
все выше.
Смотрить-ли небо на землю и видеть-ли глазомъ,
Мысли оттуда проносятся быстрымъ алмазомъ.
Если ты мыслью ту мысль, промелькнувшую
въ небѣ,
Схватишь секундой, созвѣзднымъ онъ будетъ,
твой жребій.
Если поспѣешь, ты будешь съ кольцомъ обру-
чальнымъ.
Если замѣшкаль, беззвѣзднымъ пройдеши и
опальнымъ.

Кто постучался?

Кто постучался въ ночное окно?
Кто-то, кто молвилъ что все суждено.
Кто постучался въ холодную дверь?
Кто-то, кто молвилъ: Упорствуй и вѣрь.
Кто постучался здѣсь въ сердце мое?
Солнце, изъ крови затѣявъ тканье.
Вотъ она выткалась, малая ткань,
Алая — солнце съ прожилками — глянь!

Въ горной долинь.

Тихое озеро въ горной долинь,
Въ горной долинь пасутся стада.
Воздухъ высокій надъ пропастью — синій,
Тянется сердце — къ высотамъ — туда.

Ключь, проскользнувъ по гранитнымъ
громадамъ,

Сонное озеро выбралъ какъ цѣль.
Блѣдный, на камнѣ, пастухъ передъ стадомъ,
Тонкая томно играетъ свирѣль.

Тянутся узкія, тонкія сосны,
Темныя сосны по горной стѣнѣ.
Быстро проходятъ короткія весны,
Медлитъ зима въ снѣговой вышинѣ.

Тянутся стебли бѣлѣющихъ лилій,
Облики лилій — въ водѣ озерной.
Выше — орлы сѣрокрылые свили
Дикія гнѣзда въ скалѣ вырѣзной.

Въ часъ, какъ къ ночлегу скликаются птицы,
Сильныя птицы, чей путь — вышина,
Звоны плывутъ отъ церковной звонницы,
Людыамъ и птицамъ — спокойствіе сна.

Только въ высотахъ альпійскія зори
Алымъ горѣніемъ молятся вслухъ.
Только не молкнетъ, во взлетахъ и въ спорѣ,
Узкой долиной томящійся духъ.

Высокія горы.

Высокія горы, внемлите
Я къ вамъ прихожу на ночлегъ.
Хочу я высокихъ наитій,
Люблю я нетронутый снѣгъ.

Люблю я со срыва до срыва
Добросить свой голось въ горахъ.
Какъ серна мелькаетъ красиво,
Ей пропасть — забава, не страхъ,

Какъ тянутся тамъ подо мною
Волокна въ теченіи мглы.
Какъ кличуть надъ горной стѣною,
Владыки пространства, орлы.

П У Т Ъ .

Божо Ловричу.

Вотъ равнина. Вотъ дорога.
Вотъ немного отойди
Отъ родимаго порога.
И еще, туда, гдѣ строго
Свѣтятъ выси впереди.

Опираясь равномѣрно
На упорный посохъ свой,
Ты увидишь здѣсь, навѣрно,
Какъ въ горахъ красива серна,
Будешь самъ вдвойнѣ живой.

Серна любить забавляться
На ребрѣ крутой скалы.
Въ срывѣ ужасы намъ снятся.
Сернѣ любо проясняться
Надъ зазывомъ нижней мглы.

Чѣмъ со тьмой она несходнѣй,
Тѣмъ ей легче ницъ скакнуть.
Глянетъ, прынетъ въ срывъ исподнѣй.
Ахъ, въ десницѣ быть Господней
Это самый вѣрный путь!

Вонъ ужь гдѣ? На томъ изломѣ,
Черезъ пропасть предъ тобой.
Нѣтъ, не въ сѣромъ, тѣсномъ домѣ.
Все — ничто, повѣрь мнѣ, кромѣ
Какъ въ судьбу играть съ Судьбой.

На лѣсной дорогѣ.

На лѣсной раскаленной дорогѣ
 Предо мной разошлись три пути.
Я грустиль, размышляя о Богѣ,
 И не зналъ, мнѣ куда же идти.
Если прямо, — тамъ Синее Море,
 Прекращаетъ мой путь Океанъ,
Онъ прекрасенъ въ сапфирномъ уборѣ,
 Но не водный удѣлъ здѣсь мнѣ данъ.
Если вправо, — все къ тѣмъ же я людямъ,
 Въ пыльный городъ приду. Не хочу.
Тамъ во всемъ несогласны мы будемъ,
 Нѣтъ пути тамъ до сердца лучу.
Разсудивъ, я направился влѣво,
 Начиная отъ сердца во всемъ.
И пошелъ я съ куделью напѣва,
 Мы съ мечтою и вьемъ, и поемъ.
Повстрѣчался мнѣ крестъ придорожный,
 Тамъ сидитъ одинокій старикъ.
Безнадежный — и съ тѣмъ безтревожный,
 Изможденный, изношенный ликъ.
Но въ глазахъ, что глядѣли такъ прямо,
 Словно зеркало Солнцу съ земли,
Мнѣ почудилось таинство храма,
 Только-только тамъ свѣчи зажгли.
Но въ глазахъ, что смотрѣли, мерцая,
 У того, кто забылся, одинъ,

Въ нихъ зеленая тайна лѣсная,
 Что проходить по зыби вершинъ.
Полюбился мнѣ нищій тотъ старый,
 Близъ него я тихонько присѣлъ.
Онъ смотрѣлъ въ особливья чары,
 Мнѣ незримый, онъ видѣлъ предѣлъ.
Я вложилъ ему въ руку монету,
 Еле дрогнувъ, онъ что-то шепнулъ.
Но, глазами прикованный къ свѣту,
 Онъ лѣсной принималъ въ себя гулъ.
Мы потомъ говорили немного.
 „Что дадутъ, — все я малымъ отдамъ“.
Мнѣ открылось, что стройно и строго
 Вся дорога — дорога есть въ Храмъ.
„Ты одинъ. И одинъ я. Намъ двое.“
 И ушелъ я, весь въ пламенахъ силъ.
И шепнуло мнѣ сердце слѣпое: —
 „Это Богъ здѣсь съ тобой говорилъ!“

Святые башмачки.

Я спалъ. Глядѣлъ. Въ окнѣ слюда.
Въ немъ ходитъ синяя звѣзда.
 И схимницы тамъ сонныя,
 Всѣ златоиспешренныя,
Передъ иконой преклонясь,
Къ землѣ ведутъ отъ неба вязь,
 Въ три полосы, трерядную,
 Дорогу неоглядную.
Отъ насъ, отъ здѣсь, до неба мостъ,
И къ намъ, съ высотъ превыше звѣздъ,
 Узорами зелеными,
 Съ молитвами, съ поклонами,
Ведутъ онѣ дорогу-путь,
Что входитъ въ грудь когда-нибудь.
 Икона та огромная,
 Высокая и темная,
Изъ золота у ней окладъ,
А передъ ней лежитъ булатъ,
 И башмачонки малые,
 Ахъ, стоптаны, усталые,
Помолятся, — и въ пыль дорогъ,
Въ движеніи малыхъ дѣтскихъ ногъ.
 И было мнѣ вѣщаніе
 Изъ мглы златомерцанія: —
„Не все сюда. Иди туда,
Гдѣ синяя горитъ звѣзда.“

Пройди непостижимыми
Пожарами и дымами".
И грянулъ тутъ вспѣненный валь,
Я палъ, икону цѣловаль,
Отца и мать любимую,
И темь — и земь родимую.
И вотъ иду. Качну бѣду, —
Уходить прочь. Я часа жду.
За полемъ, за рѣчонками,
Слѣжу за башмачонками,
У коихъ стоптанъ каблучокъ,
Но каждый шагъ ихъ мнѣ намекъ.
Надъ омугами старыми
Я прохожу пожарами.
Я знаю: Синюю звѣзду,
Идя, какъ лучъ, въ пути найду.
Мнѣ свѣтитъ мгла иконная,
Вся златоиспещренная.

С В Ъ Ч О Ю .

Я войду въ зарю закатную
Чрезъ поля, черезъ дуга,
Доведу тропу стократную
Въ заревые берега.

Возлѣ солнечной излучины
Подожду, она свѣтла,
Но, понявъ, что всѣ замучены,
Кѣмъ душа моя жила, —

Съ края пропасти сверкающей
Брошусь прямо я въ зарю
И свѣчою догорающей
Въ безднѣ солнечной сгору.

Черная вдова.

Ивану Сергѣевичу Шмелеву.

Я знаю Черную вдову,
Въ ея покровѣ — свѣтовъ млѣнье,
Ее я Полночью зову,
Съ ней хлѣба знаю преломленье.

Съ ней кубокъ темнаго вина
Я пью безгласно, въ знакъ обѣта,
Что только ей душа вѣрна,
Какъ жаворонокъ — брызгамъ свѣта.

Когда жъ она уйдетъ во мглѣ,
Гдѣ первый лучъ — какъ тонкій волосъ,
Лозу я вижу на столѣ
И, полный зеренъ, крѣпкій колосъ.

ПѢСНЯ ДНЯ И НОЧИ.

Ивану Сергѣевичу Шмелеву.

Давай еще любить другъ друга,
Люблю тебя, мой милый братъ.
Найти на изумрудѣ луга
Я каждый день неожиданно радъ
Чуть-чуть зацвѣтшіе расцвѣты.
Поемъ. И пѣли. И не спѣты.
Разсвѣтный часъ —
Всегда разскажь.
Въ свѣченъи травъ — любовь Господня,
Разлитье Бога по цвѣтамъ.
За радость каждаго сегодня,
За лучъ, примкнувшійся къ кустамъ,
За жизнь звѣрьковъ лѣсистой ямы,
Взнесемъ до неба ѳиміамы.
Отъ нашихъ свѣчъ
До Бога рѣчь.
За то, что въ долгихъ гулахъ звона
И благодать, и благолѣпъ,
Что синей кровлей небосклона
Одѣтъ нашъ домъ, и лѣсъ, и степь,
За Море, въ немъ же Божья сила,
Взнесемъ горящія кадила.
Есть свѣтъ и звукъ
Въ воленъи рукъ.

За часъ труда, за мигъ досуга,
Вотъ, за щепотку табаку,
За то, что мы нашли другъ друга,
Что брата братомъ нареку,
За путь вдвоемъ по бездорожью,
Возславимъ звонно благодать Божью.
Въ глазахъ людскихъ
Есть Божій стихъ.

Мы оба въ пламенахъ заката,
На рубежѣ тяжелыхъ лѣтъ.
На срывахъ ската вопль набата,
Разлитыхъ заревъ мѣдный бредъ,
Мы головни, но головнями
Хранится огонь, что будетъ — въ Храмѣ.
Подъ цѣпкой мглой
Пчелиный рой.

Мы знаемъ радость слѣдопыта,
Земная глубь дрожить, звеня.
Гремитъ нездѣшное копыто,
Къ землѣ отъ неба бѣгъ коня.
И въ начертаньяхъ узорочій
Прочтемъ мы слово вѣщей Ночи.
Оттуда мы.
Есть путь средь тьмы.

Вверху, отъ Сѣвера до Юга,
Ужъ черный бархатъ проступилъ.
Но къ намъ много пламекруга
Течетъ произволенье силъ.
Во-внутрь души, въ нашъ мракъ желѣзный,
Простерся скипетръ многозвѣздный.
Зоветь — огнемъ.
Идемъ! Идемъ!

ТВОЯ ОТЪ ТВОИХЪ.

Ивану Сергѣевичу Шмелеву.

Одно Пасхальное яичко
Не поглотила, въ вихряхъ, мгла.
Его какая Божья птичка
Въ тѣхъ дняхъ таинственно снесла?

Въ тѣхъ дняхъ, когда по далямъ луга
Свѣтился златомъ изумрудъ,
И такъ любили всѣ другъ друга,
Что лучъ оттуда свѣтитъ тутъ.

Изъ огнедыщаго Ада
Спасенъ Господней я волной.
Мерцаеть тихая лампада
Передъ иконою родной.

Вкругъ дома — вихрей перекличка.
Но, весь — молитва къ алтарю,
На то Пасхальное яичко
Я съ умиленіемъ смотрю.

Чуть сѣровато, сахаристо,
Какъ талый, между травъ, снѣжокъ,
Въ углу оно бѣлѣеть мглисто,
Лампадка свѣтлый ткеть кружокъ.

Во дни великаго ущерба,
Златого ободокъ кольца
Яичко держитъ, рядомъ верба
Предъ тишью Божьяго лица.

И словно шепчетъ голосъ няни: —
„Не думай, что тамъ впереди,
Есть звѣзды Божіи въ туманѣ,
Гляди сюда — гляди — гляди.“

Лампадка выросла въ кусточекъ,
Гляжу упорно предъ собой,
И надъ яичкомъ ангелочекъ
Встаетъ, какъ цвѣтикъ голубой.

Надъ бездной страшнаго наслѣдства,
Уторопляя Тьмы чередъ,
Въ лучѣ поетъ мнѣ ангелъ дѣтства,
Что Воскресеніе — придетъ.

Голосъ гобоя.

У тебя въ старинномъ домѣ,
У тебя въ старинномъ паркѣ
Чувства плаваютъ въ истомѣ,
Драгоценны, ковки, ярки.
И не ярки, только жарки,
Всѣ затянуты золою,
Вязы, клены въ стройномъ паркѣ,
Цвѣтъ рубина, скрытый мглою.
Подъ нависнувшей горою,
Отдалившей все, что въ мірѣ,
Тѣмъ ты ближе къ аналою,
Чѣмъ чужія дали шире.
На блѣднѣющемъ сафирѣ
Хлопья въ облачномъ теченьи,
Свѣтъ Даровъ Святыхъ въ потирѣ,
Чаши неба вознесенье.
Вѣтеръ въ вязахъ — отзвукъ пѣня,
Въ перезвонахъ свѣтятъ клены.
Всѣхъ минутъ богослуженья,
Память впала въ антифоны.
Есть высокіе законы
Надъ уронами мгновений: —
Всюду свѣтятся амвоны,
Гдѣ исходъ изъ сожалѣній.
Наши чувства — только тѣни
Тѣхъ, что снились достовѣрнѣй.
Лебедь — лѣпка всѣхъ движеній,
Но недвижимый — онъ размѣрнѣй.
Нѣжны розы между терній,
Духъ — звѣзда, въ себя вступаая.
Пьетъ лучи Звѣзды Вечерней
Чаша неба голубая.

Сестра-ли ты?

Подруга ты? Жена? Сестра? Любовь? Не знаю.
Я братьевъ не люблю и я боюсь сестеръ.
Съ тобою нѣкогда мы поклонились маю,
И въ вольной осени пылаеть намъ костеръ.

Въ прозрачномъ сентябрѣ, такъ звонно-золо-
тистомъ,
Валежникъ хрустнувшей свой ладанъ задымилъ.
Топазы на вѣтвяхъ съ небеснымъ аметистомъ
Уравномѣрили въ двухъ душахъ пламень силъ.

Поверхъ нѣмыхъ корней еще живутъ былинки,
Тамъ въ дальнемъ озерѣ мерцаеть бирюза.
Скользя по воздуху, звѣздятся паутинки,
И ты глядишь въ костеръ, полузакрывъ глаза.

Сестра-ли ты? Жена-ли ты?
Съ тобой вступилъ я въ пиръ.
Намъ были кубки налиты,
И въ нихъ глядѣлся мѣръ.
Ты вольная. Не въ клѣткѣ я.
Насъ нѣжитъ ураганъ.
Намъ были яства рѣдкія,
Напитокъ счастья данъ.
И я теперъ по пламени
Сполна читаю насъ.

Какъ ходы битвы — въ знамени,
Такъ въ мигахъ былъ нашъ часъ.
Съ тобой всегда, любимая,
Сквозь ночь смотрю въ зарю.
И пламени и дымы я
Равно боготворю.
Качнется мигъ неистово,
Я слышу, что не лгу.
Ты цвѣтъ цвѣтка златистаго
На дальнемъ берегу.
И опьянюсь я лицами
Заокеанскихъ странъ.
Но ты качнешь рѣсницами,
Но ты прямишь свой станъ.
Качнется мигъ, но истово
Мы въ страсть роняемъ страсть.
Изъ царства колосистаго
Слѣшитъ зерно упасть.
Падетъ зерно со звонами,
Плеснетъ волна къ волнѣ.
За рощами зелеными
Есть лѣсъ въ цвѣтномъ огнѣ.
Цвѣтами мы и зернами
Украсили костры.
Морями я узорными
Стремился до сестры.
Сестра-ли ты? Жена-ли ты?
Я вѣрилъ кораблю.
Рѣзные кубки налиты,
И въ пламени — Люблю.

Капбретонъ.

1

Я долю легкую несу,
Во мглѣ моихъ гаданій.
Мой домъ въ саду, мой садъ въ лѣсу,
Нашъ лѣсъ на Океанѣ.
Я долю легкую несу,
Въ огнѣ моихъ скитаній.
Я полюбилъ одну красу,
Быстрѣйшую изъ ланей.
Такъ. Долю легкую несу,
Снопъ лучевыхъ касаній.
Я тку изъ солнца полосу
Безсмертныхъ ожиданій.

2.

Въ зеленомъ Капбретонѣ,
На грани разныхъ странъ,
Мы всѣ въ одномъ законѣ: —
Гудить намъ Океанъ.
Разсыпчатаго смѣха
Такъ много у него.
Гудить лѣсное эхо,
Что день есть торжество.
На колокольнѣ древней
Гудятъ колокола,
Что въ ночь еще напѣвнѣй
Звѣздящаяся мгла.
Но шмель дневной, надъ входомъ
Въ цвѣтокъ, гудитъ въ просторъ: —
„Цвѣты — лишь воеводамъ,
А пчелы — это вздоръ“.

А въ верескѣ цикада
Сравнила ночь и день: —
„И день и ночь — услада,
Лишь въ звукъ себя одѣнь“.

Еще одна цикада
Кричитъ, вскочивъ на пень: —
„Миѣ ничего не надо,
Пою, когда не лѣнь“.

И ржетъ еще цикада,
Какъ малый конь-игрень: —
„Миѣ ночью — ночь услада,
А днемъ — люблю я день“.

И трелить, схваченъ свѣтомъ,
Миѣ жавронокъ лѣсной: —
„Я здѣсь звеню — и лѣтомъ,
И въ осень, подъ сосной“.

Въ такомъ мы здѣсь законѣ,
Таковъ нашъ съ міромъ счетъ,
Въ зеленомъ Капбретонѣ,
Гдѣ изумрудъ течетъ.

3.

Миръ вамъ, лѣсныя пустыни,
Бабочки, вѣтви, цвѣты.
Змѣй я встрѣчаю здѣсь нынѣ,
Но никогда клеветы.
Миръ вамъ, дубравныя рощи,
Сосны, весь бронзовый — боръ.
Здѣсь, безъ людского, миѣ проще
Съ вѣтромъ вести разговоръ.
Миръ вамъ, въ сапфировомъ небѣ,
Звѣзды, созвенная нить.
Благословляю мой жребій —
Звѣзднымъ и солнечнымъ быть.

Сердцедуги.

Мирръ Бальмонтъ.

Порожденныя отъ Солнца,
Сердцедуги золотыя,
Я рудой и вы рудыя,
Сѣмя въ землю бросилъ я.
Легкій вѣтеръ помогаль мнѣ,
И для вашего закала
Въ небѣ молнія сверкала,
Съ неба падала змѣя.
Дождь серебряный съ лазури,
Жемчугъ росный въ зоряхъ лѣта,
Волны солнечнаго свѣта
Влились въ желтый аксамитъ.
Стала земь супругой неба,
Цвѣтъ литавры многотрубенъ,
Золотится звонный бубенъ,
Царь-подсолнечникъ — горитъ!

ЛѢСНОЙ СТИШОКЪ.

Лѣсной стишокъ синичкѣ
 Зачѣмъ не написать?
У этой малой птички
 Вся жизнь — и тишь, и гладь,
Скользнетъ отъ вѣтки къ вѣткѣ,
 И съ вѣтра на сучокъ, —
Синицы не насѣдки,
 Ихъ духъ — всегда скачокъ.
Но мыслить не скачками
 Крылатый синецвѣтъ: —
Нѣжнѣйшими стихами
 Звенить лѣсной поэтъ.
Чистѣйшій колокольчакъ,
 Тончайшая игра.
Какъ бы на фейный столикъ
 Кто бросилъ серебра.
„Пинкъ-пинкъ“ сребристойзвонный,
 Воздушное „Вить-вить“,
И мѣди озаренной
 Добавить въ эту нить.
Кто другъ веселой птички,
 Тотъ слышалъ межъ стволовъ,
Что въ голосѣ синички
 Живетъ девятисловъ.
Синичкина свистулька
 Ожившій къ жизни листъ,

Играющая пулька,
Чей взлетъ,— жужжащій свистъ,
Синичкина свирѣлька,
Въ древесной тишинѣ,
Не малая недѣлька: —
Отъ осени къ веснѣ.
Всѣ пѣвчіе умчали
Въ заморскіе края.
Синичка — безъ печали —
Поетъ: „Здѣсь я! Здѣсь я!“
А Море — что же Море?
Поетъ одно „Аминь“.
Въ синичкиномъ уборѣ
Живетъ морская синь.
Волною-ли проказить,
Вертѣтъ веретено,
Или по вѣткамъ лазить, —
Не все-ли намъ равно?
Лишь только быть веселымъ,
За дѣло, чуть соснувъ,
И комарамъ, и пчеламъ,
Являютъ свой острый клювъ.
И грѣхъ мой былъ не малый,
Сказалъ я — тишь да гладь.
Нѣтъ, нравъ тутъ разудалый,
Ничѣмъ не удержать.
Какая тишь, гдѣ звуки?
Какая гладь, когда
Она упорна въ стукъ,
Какъ дятель — какъ бѣда?
Почувствуетъ личинку
Подъ крѣпкою корой, —

И заведетъ волюнку,
Натѣшится игрой.
Почувствуетъ, что близко
Какой-нибудь удождь, —
Въ ней ярость василиска,
Подальше, заклюеть.
Неловкая глупица —
Ей ненавистный видъ: —
Въ три раза больше птица,
А мозгъ въ ней раздробить.
И снова съ вѣтки къ вѣткѣ,
Опять въ проломъ дупла,
И дѣлаеть замѣтки
По всей корѣ ствола.
Живеть! Живеть не грубо! —
„А ну, еще скакну
Отъ каменнаго дуба
На красную сосну!“
Синичка, ты кузнечикъ,
Съ кѣмъ вѣтеръ не чужой.
Ты малый человѣчекъ,
Съ великою душой!

Утро-сказка.

Утро-сказка. Что сегодня вздумалъ строить Океанъ?
Солнце, чаша дней Господня, разсѣкло туманъ.
И, алѣя, самоцвѣты разноцвѣтною гурьбой,
Расплавляясь, расплывались въ безднѣ голубой.
За ночь бѣшенствовалъ вѣтеръ, такъ всю воду
закачалъ,
Что отъ края неба къ краю всюду пляшетъ
валь.
Вонъ далеко, тамъ далеко, гдѣ смѣнилась ширь на
даль,
Тутъ и тамъ взгорбится влага, взброситъ
пыль-хрусталь.
Влажный прахъ перелетаетъ отъ горба волны къ
горбу,
Стоголосый вѣтеръ стонетъ въ гудную трубу.
Даль до дали, близъ до близи, хороша сплошная
ткань,
Стычки дружныя волненій — дружеская брань.
Алыхъ яхонтовъ давно ужъ въ Морѣ выгорѣлъ
пожаръ,
Бѣлый цвѣтъ вошелъ въ зеленый, въ синій,
въ синь-угарь.
А на гулкомъ побережьи, гдѣ стою, заморожень,
Глыбы бѣлыя вспѣненья, пѣны взлетъ и гонь.
Завитками груды хлопій, накипь легкая зыбей,
Точно бѣлая овчина Короля Морей.

Воспоминанья.

Воспоминанья, возникая,
Заводятъ въ сердцѣ зыбкій споръ,
Но вдругъ блѣднѣетъ ихъ уборъ.
Такъ птицъ щебечущая стая
Ведетъ прерывный разговоръ,
Въ вѣтвяхъ березы засыпая.
Все тихо. Свѣтитъ звѣздный хоръ.

Я сплю. И милыя улыбки,
Что, какъ горитъ звѣзда къ звѣздѣ,
Свѣтили мнѣ когда-то, — гдѣ?, —
Опять горятъ. И стонутъ скрипки.
Такъ въ блѣдно-лунной чередѣ
Весеннія мелькаютъ рыбки,
Скользя въ серебряной водѣ.

Я умоляю, безглагольный,
Твержу одной, пока я сплю,
Что все одну ее люблю.
Мой сонъ — и грустный, и безбольный,
И, какъ уходитъ къ кораблю
Отъ берега, тая, слѣдъ продольный,
Такъ таетъ слѣдъ, который длю.

Совершенный покой.

Когда опустятся рѣсницы
На побѣжденные глаза,
Горить-ли въ небѣ бирюза
Иль тамъ агаты и въ немъ зарницы, —
Въ душѣ, свѣтясь, растетъ лоза,
Вѣтвей зеленыхъ вереницы
И вѣнценосная гроза.

Чуть позабывшійся, тревожно,
Опять куетъ обманы сновъ,
Опять въ созвенности оковъ.
Что было правда, было ложно,
Онъ снова впить въ себя готовъ,
На то, что больше невозможно,
Онъ мысленный готовить ловъ.

Лишь иногда, когда упорный,
Чрезмѣрный выполню я трудъ,
Какъ трупъ, какъ глыба, весь я тутъ.
Не знаетъ разумъ лжи узорной,
Онъ грезу не свиваетъ въ жгутъ,
И я — въ Каабѣ камень черный,
Виѣ волхвованія минутъ.

Въ далекой долинь.

Въ далекой долинь, гдѣ дышетъ дыханье дымя-
щихся давностью дней,
Я думалъ дремотно о дивѣ единомъ, которое
Солнца древнѣй.
Какъ звать его, знаю, но, преданный краю, гдѣ
дымно цвѣтутъ головни,
Какъ няня — ребенка, я знанье качаю, себѣ напѣ-
ваю: „Усни!“
Въ далекой долинь, гдѣ все привидѣнно, гдѣ тѣло
— утонченный духъ,
Я рѣялъ и дѣялъ, на пламени вѣялъ, былъ зрѣнье,
касанье и слухъ.
Въ раздвинутой дали глубокаго дола ходили дро-
жанія струнь,
Мерцанья озеръ и послѣдніе свѣты давно закатив-
шихся лунъ.
На свѣты тамъ свѣты, на тѣни тамъ тѣни ложились,
какъ листь на листокъ,
Какъ дымы на дымы, что, вѣтромъ гонимы, без-
сильно курчавятъ востокъ.
И я истомленно хотѣлъ аромата, жужжанья тяже-
лаго пчель,
Но, весь бездыханный, былъ тихій и странный,
мерцающій въ отсвѣтахъ долъ.
Цвѣты несосчитанно въ дымахъ горѣли, но это
цвѣли головни,

И вились повсюду кругомъ однодневки, лишь день
промерцавшіе дни.
И тихо звенѣли, какъ память, безъ цѣли, часы, что
мерцали лишь часъ,
Что были не въ силахъ замкнуть въ мимолетность
— въ вѣка переброшенный сказъ.
У всѣхъ однодневокъ глаза изумрудны, и саванъ
на каждой — сквозной,
Во всѣхъ головняхъ самоцвѣты, но въ дымѣ,
охвачены мглой и золой.
Бъ нихъ очи, но волчьи, но совьи, но вдовьи
упреки и жалость о томъ,
Что, если бъ не доля, сіялъ бы тамъ теремъ, гдѣ
нынѣ обугленный домъ.
Въ далекой долинѣ, среди привидѣній, искалъ я
видѣнье одно,
И падали въ сонное озеро звѣзды, стеля серебристое
дно.
Я жадно смотрѣлъ на бѣлѣвшіе пеплы, но вдругъ
становился слѣпымъ,
Когда, наклонясь надъ горячимъ рубиномъ, вдыхалъ
я развилыстый дымъ.
Я рѣялъ и дѣялъ, я между видѣній досмотръ
приникающій длить,
А пламя древесное тлѣло и млѣло, ища перебрыз-
нувшихъ силъ.
Деревья, гдѣ каждая вѣтка — свершенье, до самаго
неба росли,
А я, какъ скупецъ, пепелище ошаривъ, искалъ
изумрудовъ — въ пыли.
Воздушные лики, и справа, и слѣва, тянулись
губами ко мнѣ,

Но дива иного, что Солнца древнѣе, искалъ я въ
замглѣнномъ огнѣ.
Внезапно сверкаетъ разъятіе клада, который скры-
вался года,
Но знай, что тревожить, безумный, не надо того,
что ушло навсегда.
Едва я увидѣлъ глаза, что горѣли въ мой царст-
венный полдень звѣздой,
Въ далекой долинѣ дремоты глубокой набатъ
прокатился густой.
Гдѣ въ струнномъ дрожаньи, надъ зеркаломъ влаги,
качался, какъ лилія, сонъ,
Кричащимъ, греющимъ, по огненнымъ чашамъ,
прорвался хромающій звонъ.
И сонмище всѣхъ однодневокъ безгласныхъ гро-
мадой ко мнѣ понеслось,
Какъ стая шмелей, приготовившихъ жало, какъ
стадо разгнѣванныхъ осъ.
Я вскрикнулъ. И духъ, отягченный какъ тѣло, въ
набатъ и дымъ густомъ,
Крыломъ рудометнымъ чертилъ неумѣло дорогу
въ остывшій свой домъ.

Д в о е.

Два волка бѣгутъ, оба въ небо глядятъ,
На небо глядятъ, онъ грызливъ, этотъ взглядъ.
Не волки бѣгутъ, а полозья скрипятъ,
Нежданнныя въ теремъ доѣхать хотятъ.

Двѣ свѣчки, такъ жарки, не дрогнуть, горятъ,
Не дрогнуть, горятъ и съ собой говорятъ.
Не свѣчи, а очи, въ глубь ночи ихъ взглядъ,
Тоска истомила, ахъ, счастья хотятъ.

Двѣ птицы, двѣ съ крыльями, когти острятъ,
Добычу намѣтятъ, ее закогтятъ.
Отъ клюва до клюва насупленный взглядъ,
Два сильные сокола биться хотятъ.

Два волка на срѣзанный Мѣсяцъ глядятъ,
Налить чарованіемъ жаждущій взглядъ.
На бѣлой красавицѣ зимній нарядъ,
Два сердца въ несчастіи счастья хотятъ.

СВИТОКЪ.

Вьюга-Мятелица,
Вьюга-Віялица,
Бѣлая палица,
Воетъ и стелется,
Слитная дѣлится,
Треплетъ сугробъ,
Ноетъ, лукавится,
Вѣдьмою славится,
Тамъ, гдѣ объявится,
Выстроить гробъ.
Версты за верстами
Съ ликами вздутыми,
Версты за верстами
Смотрятъ сомкнутыми,
Версты за верстами
Встали разверстыми.
Чей будетъ срокъ?
Жалобно жалится
Вьюга-Віялица,
Гудъ и гудокъ,
Узрѣнь глазастою,
Бѣлозубастою,
Вѣдьмой вихрастою,
Вьюношъ-вьюнокъ.
Вился онъ вѣнчикомъ,
Ласковымъ птенчикомъ,

Бился бубенчикомъ,
Смерть невдомекъ,
Бѣхаль къ желанной онъ,
Вотъ бездыханный онъ,
Въ инеѣ ликъ,
Хмѣлемъ окутался,
Съ Вѣдьмою спутался,
Въ хмѣлѣ поникъ,
Срывчатый вскрикъ,
Заколыбеленный.
Въ сказкѣ не велѣнной,
Тянется, пьется,
Выгибомъ стелется
Вьюга-Мятелица,
Бѣлая палица,
Вьюга-Віялица.

Сонъ предестный.

... Сънь непостоянная, сонъ
предестный, безвременномечта-
нень сонъ житія земнаго...

Т р е б н и к ъ.

Люблю тебя, безгласный, странный,
Мой цвѣтъ безвременномечтанный,
Въ обрывной сказкѣ бытія.
Мой цѣлый день — благоуханный,
Когда ты мигъ одинъ — моя.

Тебя встрѣчаю я случайно,
Во взорѣ васильковомъ — тайна,
Какъ будто стеблемъ, вся — свѣтла,
Вся волшебствуя чрезвычайно,
Ты въ тѣло женское вошла.

Я вижу, взоръ твой молчаливый
Хранить, рассказанное нивой,
Все тайнодѣйство силъ земныхъ.
Твой каждый шагъ неторопливый —
Колосьями пропѣтый стихъ.

Когда стоишь ты въ свѣтломъ храмѣ,
Безумными я скованъ снами,
Мои расширены зрачки: —

Твоими пораженъ глазами,
Въ нихъ расцвѣтають васильки.

Твой ликъ весь обращенъ къ иконамъ,
А я иду путемъ зеленымъ,
Душистой узкою межой,
И, схваченный земнымъ закономъ,
Тобою — небу я чужой.

Ты — въ ликѣ кроткой голубицы,
Твои — молитвенны зѣницы,
И мигъ церковный живъ псалмомъ, —
Во мнѣ скликаются зарницы,
И дальній чудится мнѣ громъ.

Прости меня, мой сонъ прелестный,
Въ моей груди, внезапно тѣсной,
Весь трудъ земного житія: —
Съ такою нивою чудесной,
Лишь съ ней, съ тобою, я есмь я.

А ночью вижу сонъ счастливый: —
Спитъ вѣтеръ, забаяканъ нивой,
А я, уйдя земныхъ оковъ,
Идя, безплотный, сонной нивой,
Ищу — тебя межъ васильковъ.

Ихъ перстень.

Свѣжій вѣтеръ, влажный воздухъ возлѣ волнъ.

Ахъ, Тристанъ, тебя кладу я въ черный челнъ.

Ахъ, Тристанъ, морская — вѣрная вода.

Будешь ты съ твоей Изольдой навсегда.

Развѣ въ мѣрѣ можно милыхъ разлучить?

Въ ткань земную намъ отъ Неба — къ нити нить.

Развѣ чайка съ свѣтлой чайкой надъ волной

Не взлелѣяны Безбрежностью — одной?

Развѣ ключъ не вѣрно входитъ въ свой замокъ?

Смерть пришла. Любовь пришла. Восполненъ
срокъ.

И не нужно бѣлый парусъ надѣвать.

Съ бѣлымъ парусомъ — несмирная кровать.

Бѣлый парусъ, это — трудъ, тяготы намъ.

Черный парусъ — путь къ невянущимъ садамъ.

Черный парусъ — ночь и ворона крыло.

Ночью — звѣзды. Ночью — любящимъ свѣтло.

Такъ, Тристанъ. Съ тобой я съ дѣтскихъ дней
была.

Смерть-ли я? Любовь — не болѣе свѣтла.

Смерть — любовь — любовь за смертью —
череда.

Вѣрь, морская — вѣчно вѣрная вода.

Доплывешь ты до единственной черты.

Вновь поймешь, что ты — она, она есть ты.

Мигъ пронзенья. Самородокъ золотой

Въ горяѣ сразу станетъ солнечной водой.

Копья Солнца къ соснамъ прынуть вѣковымъ, —
Сосны въ цвѣтѣ, золотистый всходитъ дымъ.

Лучь отъ Солнца свой наложить жаркій
знакъ, —

Легкій шорохъ, вмигъ раскрылся алый макъ.
Спите Изольда въ халцедоновомъ гробу.

Побѣдилъ-ли человѣкъ когда Судьбу?

Спать въ берилловомъ гробу, заснуть Тристанъ.

Въ двухъ могилахъ имъ удѣлъ раздѣльный
данъ.

Въ двухъ могилахъ, и часовня между нихъ.

Пойте, птицы! Трубадуры, спойте стихъ!

То, что Богъ соединилъ, не разлучить.

Въ ткань земную намъ отъ выси — къ нити
нить.

Тонкой нитью паутинится намекъ.

Изъ земли восходитъ нитью стебелекъ.

Изъ могилы — вотъ одинъ, — а тамъ другой.

Древо съ древомъ — надъ крестомъ — рука
съ рукой.

Надъ часовней — ты срубай ихъ не срубай —

Надъ разлукой — двѣ любви — цвѣточный май.

Двѣ любви? Любовь — вездѣ — всегда — одна.

Сердце — съ сердцемъ. Льетъ въ нихъ пламень
вышина.

И срубали ихъ три раза. Но король

Не велѣлъ, чтобъ дольше длилась эта боль.

Такъ два древа — обвѣнчались въ вышинѣ.

А часовня между ними — вся въ огнѣ.

Въ звукахъ музыки, въ огнѣ высокихъ свѣчъ.

Сердце вѣрное отъ сердца-ль устеречь?

Въ ткань земную намъ отъ Солнца — къ нити
нить.

Что любовь зажгла, — и Моремъ не залить!

Люблю я цвѣты.

Имени Тани Осиповой.

Люблю я цвѣты — какъ любить мать свою нѣжный
ребенокъ,
Люблю я цвѣты — какъ любитъ сердце, понявъ,
что означилъ срокъ,
Люблю я цвѣты — какъ любить птица другую, чей
голосъ звонокъ,
Люблю я цвѣты — какъ любить цвѣтокъ — чуть
зацвѣтшій далекій цвѣтокъ.

Всѣ спать еще въ домѣ — я въ лѣсъ, одинъ, иду
спозаранка,
Смотрю, не расцвѣлъ-ли, явивъ солнцегроздья, Ис-
панскіи дрокъ,
Но въ сердцѣ моемъ расцвѣтаетъ одна голубая
грустянка,
Земли не вкусившій, лишь неба испившій, хрупкій
цвѣтокъ.

Иду я до Моря — берегъ свой точить, синѣть,
клокочеть,
Затихнуть не хочетъ, свершаетъ свой бѣгъ, напа-
денье и скокъ,
Не Море-ли влагой своею соленою мнѣ горькое
что-то пророчить,

Двѣ красныя капли — я слышу — упали — тамъ
въ сердцѣ — на мой голубой цвѣтокъ.

Домой возвращаюсь размѣреннымъ шагомъ — порой,
на закатѣ,
Одна одинокая тучка подъ Солнцемъ расплавится
въ огненный клокъ,
Но огненной тучкѣ, и Солнцу, всѣмъ солницамъ, —
о, всѣмъ безъ изъятій, —
Одно загашенье, и, кровью обрызганъ, тамъ въ
сердцѣ спитъ голубой цвѣтокъ.

Въ землѣ отъ корней всѣхъ расцвѣтовъ нѣжнѣй-
шихъ прорѣжется ранка,
Люблю я цвѣты — какъ напѣвъ — какъ любовь —
какъ гремячій потокъ,
Люблю я цвѣты — изъ цвѣтовъ мнѣ любя голубая
грустянка,
Лампада горитъ предъ иконой — сердцу больно —
въ немъ выросъ цвѣтокъ.

Fuga idearum.

Имени Тани Осиповой.

1.

Прошла жара. И fuga idearum
Исчезла съ нею. Разумъ ясно тихъ.
И копыеносно всходитъ мѣрный стихъ,
Взявъ яворъ образцомъ и бѣлый арумъ.

Душевный зной былъ пройденъ мной недаромъ.
Жестокъ, Судьба, ударъ бичей твоихъ,
Но вѣрны звѣзды, — я исторгъ у нихъ
Нѣмую власть надъ собственнымъ пожаромъ.

Шальной-ли вѣтеръ мнѣ принесъ зерно —
Въ мой садъ — упоръ нездѣшняго побѣга?
Свѣтло въ цвѣткѣ, когда въ корняхъ темно.

Какъ дротикъ — стебель. Въ чашѣ — свѣжесть
снѣга.

Отрава — въ корнѣ. Но волшебна нѣга,
Съ чьей лаской обручиться мнѣ дано.

2.

Что ворожить твое веретено,
О, Златокругъ, столѣтьями воспѣтый?

Ты, Солнце, мечешь гроздьями планеты,
Через бездну безднѣ къ звену стремишь звено.

Изъ тьмы тобою въ міръ изведено
Такое огнердѣніе, вѣкъ смѣты,
Что всѣ цвѣты въ цвѣта тобой одѣты,
И золотое въ каждомъ мигѣ дно.

Но что на всемъ твоя мнѣ позолота?
Дана. Взята. Такъ значитъ, не дана.
На что обрывки мнѣ съ веретена?

Мой медь — лишь мой — хоть солнечнаго сота.
Я — Человѣкъ. Не кто-то. И не что-то.
Я смерть клянѹ, хоть смерть мнѣ не страшна.

3.

Зачѣмъ опять разбита тишина,
И съ тѣмъ боренье, что непобѣдимо?
Все — водопадъ. Со звономъ мчится мимо.
Но что мнѣ все? Есть сила, что вѣрна.

Люблю. Любовь была мнѣ зажжена.
И вдругъ ушла. Куда, — неизслѣдимо.
Но шепчетъ вздохъ мнѣ ладаннаго дыма,
Что въ Вѣчномъ будетъ вѣчно мнѣ вѣрна.

Я слышалъ звукъ единственнаго слова,
Что къ сердцу вдругъ отъ сердца строить путь.
Но, въ Юность глянувъ, Смерть сожгла сурово

Лобзаніемъ нетронутую грудь.
Ты мной жила въ послѣдній мигъ земного, —
Приду къ тебѣ, прошедши водокруть.

Истаеваніе.

Имени Тани Осиповой.

Забросать тебя вишеньемъ,
Цвѣтомъ розовой яблони,
Сладко-душной черемухой
Покадить съ вышины.
А потомъ, въ твоей горницѣ,
Какъ въ постели раскинешься,
Самымъ вкрадчивымъ призракомъ
Проскользнуть къ тебѣ въ сны.

Въ нихъ проносятся ласточки,
Махаоны, крушинницы,
Надъ березовымъ кружевомъ
Гуды майскихъ жуковъ.
Ты горишь, бѣлогрудая,
Какъ свѣтлякъ разгорѣвшійся,
Какъ морское свѣченіе
Близъ крутыхъ береговъ.

Я ночными фіалками
Расцвѣтилъ твою горницу,
Я смотрю, какъ рѣсницами
Призакрыты зрачки.
И вдвоемъ, озареньями,
Упоившись растеньями,
Мы плывемъ привидѣньями
До Небесной Рѣки.

С О Н Ъ.

Я спалъ. Я крѣпко спалъ. И сномъ непробудимымъ.
Свинцовый замкнуть гробъ. На палубѣ. Въ ночи.
По Морю плыль туманъ бѣлесоватымъ дымомъ.
Со мной былъ длинный мечъ, лампада и ключи.

Все было сложено въ приютъ неповторимый,
Предъ тѣмъ какъ опустить меня на дно морей.
Я бился тѣмъ мечомъ, радѣя о родимой,
Дабы въ густую ночь заря пришла скорѣй.

Для труднаго пути должна служить лампада,
Чтобъ то, чего добыть я не сумѣлъ мечомъ,
Я выпустилъ изъ безднъ окованнаго ада,
Всѣ двери отомкнувъ моимъ тройнымъ ключомъ.

Когда свинцовый гробъ достигъ до дна морского,
Умершій выпустилъ на волю всѣхъ живыхъ.
И я — но я другой — средь блеска золотого —
Летѣлъ превыше всѣхъ зарницъ сторожевыхъ.

Летучій дождь.

Летучій дождь, раздробными струями,
Ударилъ вкось, по крышѣ и стѣнамъ.
— Довольна-ли ты прошлыми годами,
И что ты видишь сердцемъ — въ
 синемъ Тамъ? —

Горитъ свѣча. Пустынный домъ,
 тоскуя,
Весь замкнуть въ ликъ — Больше
 Никогда.
— Ахъ, въ полночь объ одномъ
 лишь вспомяну я,
Что мало цѣловаль тебя тогда!

БѢЛЫЙ ЛУЧЪ.

Сквозь зелень сосенъ на красной крышѣ
Желтѣетъ нѣжно закатный свѣтъ.
И глухо-глуше — и тихо-тише,
Доходить шопотъ минувшихъ лѣтъ.

Все тише, тише, и все яснѣе,
Я слышу вздохи родныхъ тѣней.
За синимъ моремъ цвѣтетъ лилея,
За дальной далью я буду съ ней.

Совсѣмъ погаснуть, чтобъ намъ быть
вмѣстѣ,
Совсѣмъ увянуть, какъ свѣтъ зари.
Хочу я къ Бѣлой моей Невѣстѣ,
Мой часъ закатный, скорѣй сгори.

И вотъ восходитъ Звѣзда Морская,
Маякъ вечернихъ, маякъ ночныхъ.
Я сплю. Какъ чутко. И ты живая.
И я, весь бѣлый, съ тобою тихъ.

М о р е .

Изъ рыбаго блеска, изъ рыбьихъ чешуекъ, не-
зримой иглою ихъ шивъ,
Раскинуло Море морскую поверхность, а въ берегъ
бросаетъ приливъ.
Серебряный пухъ здѣсь, а дааьше, повсюду, въ
горячемъ игранны луча,
Отдавъ свою дань бирюзѣ, изумруду, морская го-
реть епанча.

Всѣ складки блестящи, одежда волшебна, готовиль
ее чародѣй,
Пожалуй, что здѣсь проплывали сегодня кишашія
версты сельдей.
И блескъ серебристый чешуй переливныхъ остался
въ лазурной водѣ,
Чтобъ тутъ въ обрамленьи, и тамъ въ углубленьи,
дрожать въ свѣтовой чередѣ.

Когда же багряное Солнце на грани — округлая въ
аломъ мечеть,
Поверхность морская — цвѣтисто живая, густая ка-
леная мѣдь.
А послѣ созвѣздья потянуть въ дорогу, идетъ съ
серебромъ караванъ,
И Море — всезвучный, съ душой неразлучный, гре-
мящій литаврами станъ.

Часъ убыли.

Сгустилась дымка синяя. Тамъ дальше лиловатая.
Агатовыя прорѣзи. Открытый Моремъ иль.
Побуду въ безглаголіи. Помедлю до заката я.
Дождусь возженья вышняго тысячезвѣздныхъ силъ.

Какъ грустно время убыли. Владѣть океанами.
Она владѣть душами. Она владѣть всѣмъ.
Дохнетъ въ умы безуміемъ. Когтитъ. Играетъ
странами.
Какъ тигръ живымъ-повергнутымъ, что вотъ ужъ
мертвъ и нѣмъ.

Пылаетъ Солнце рдяное, но гдѣ-то тамъ за тучами.
Скрѣпилась дымка сизая. Слѣпая муть и синь.
И ходятъ караванами и пѣнутся гремучими
Вскипанья океанскія — среди своихъ пустынь.

Плывутъ ладьи крылатыя. Но ихъ въ ихъ мглѣ
замѣтишь-ли?
На осыпи, на оползнѣ безжизненныхъ песковъ?
Когда придетъ желанное? Узнаешь-ли? Отвѣтишь-ли?
Я тѣнь. Я мракъ невѣдѣнья. Среди чуждыхъ
береговъ.

Подкошенный, заброшенный, во мглѣ съ
неумолимыми,
Я съ жалящими мыслями ломаю кисти рукъ.
Окуталась Вселенная пожарами и дымами.
Но чу, одинъ, единственный, предтеча, вѣрный
звукъ.

Дохнулъ на версты шорохомъ, не праздными
посулами,
Приливъ, такъ долго медлившій. Мнѣ будетъ
праздникъ данъ.
Идетъ, гонимъ и гонится, весь облеченный гулами,
Онъ живъ подъ звѣзднымъ воинствомъ, гремучій
Океанъ.

Безлунныя ночи.

Безлунныя ночи и грустны и нѣмы.
Какъ будто бы тише и самъ Океанъ.
Лишь въ небѣ — созвѣздья, лишь въ
 дальнемъ — поэмы,
Невнятные знаки невѣдомыхъ странъ.

Я знаю, — и кто же не знаетъ, въ комъ
 мысли, —
Что Млечной Дорогой мы всѣ рождены.
Лампады зажглись, въ Беспредѣльномъ
 повисли,
Я съ ними молюсь — изъ моей тишины.

Мы вмѣстѣ. Я съ Богомъ. Но что жъ
 мнѣ? Но что мнѣ?
Я вѣчно-ли буду свѣчою земной?
Звѣзда упадаетъ. И голосъ въ ней: Помни.
Мы разныя строки, но пѣсни одной.

Отъ Солнца.

Отъ Солнца — золото, пушистый гроздь мимозы,
Подсолнечникъ, оса, вскрикъ иволги, топазъ,
Одѣтый въ пламя громъ, въ запястьяхъ молній
грозы,

И нѣжный запахъ чайной розы,
И тихій свѣтъ влюбленныхъ глазъ.

Отъ Солнца — грозное безгласіе Сахары,
Гдѣ въ тѣни красныя рядить пески закатъ,

Нарциссовъ душный ароматъ,

И плясъ толкачиковъ, и въ гулѣ жерль пожары.

Летающій змѣемъ смерчъ, безтрепетный зрачокъ

Орла, узнаваго, какъ сильны въ летѣ крылья,

Бенгальскій тигръ, его прыжокъ,

Сто зеренъ въ колосѣ, въ ста царствахъ изобиліе.

Сильнѣй, свѣтлѣй, грознѣй, богаче Солнца — нѣтъ

Ни силы, ни свѣтилъ, въ немъ все, что въ насъ,

земное.

Но, зная вѣрный ходъ планетъ,

Я мыслью ухожу въ сильнѣйшее, въ иное.

Въ безлюдьи, со скалы смотрѣлъ я въ Океанъ,

Гдѣ алый шаръ горѣлъ средь голубого гула,

Тамъ Солнце на ночь потонуло,

И слѣдъ его лишь былъ — багряныхъ тучекъ

станъ,

Гдѣ красочный чуть тлѣлъ дурманъ,

Гдѣ рыба красная, плывя, хвостомъ плеснула.

И думаль я тогда: Вотъ такъ я схоронилъ,
Несчетность алыхъ солнць, плѣнныхъ черной
ночью.

Я знаю — есть земной и есть небесный Ниль.

Я много тайнъ ночныхъ слѣдилъ,
По звѣздному бродя нѣмому узорочью.
Черезъ оконце-ли пронзающихъ зрачковъ,
Тропой-ли вѣщей сна, мечтой-ли въ хмѣлѣ пира,
Мой духъ имѣеть власть умчаться изъ оковъ,
До Запредѣльнаго — на грань — въ безгранность
міра.

О, Солнце — жизнь и ярь, цикады кастаньеть,
Въ сплетеніи — тѣла, и въ хороводахъ души.

Но, зная точный ходъ планетъ,
Я жажду голосовъ, что внятнѣе, хоть глуше.
Достаточно я былъ на этомъ берегу,
И быть на немъ еще, — какъ рокъ, могу при-
нять я.

Но, солнечный пѣвецъ, какъ Солнце, на бѣгу,
Свершивъ завѣтное, часъ ночи стерегу,
Чтобъ въ Млечномъ быть пути, гдѣ новыхъ
звѣздъ зачатъе.

Сказъ камня.

Извѣчнымъ, исподнимъ, изъ нѣдръ исходящимъ,
Исторгнутымъ вкось изъ сѣдой старины,
Мнѣ кажется камень надъ Моремъ, звучащимъ,
Какъ рокоть одной семиверстной струны.

Обломокъ дольмена? Вознесенность менгира?

Рунической камень забытыхъ вѣковъ?

Не ближе-ли къ зорямъ, къ зачатію міра?

Обломокъ потопшихъ давно береговъ?

Извергнуть изъ бездны? Закинуть изъ выси?

Одинъ — не извѣденный зубьями дней,

Гдѣ нѣкогда были лукавыя рыси,

Лишь козы срываютъ верхушки стеблей.

Гдѣ нѣкогда къ зубру рычали медвѣди

О радостяхъ схватки средь чащи лѣсной,

Лишь волны да волны въ созвучной бесѣдѣ,

Да кружево пѣны сквозной пеленой.

И дѣтскіе вскрики изъ дальней деревни

Вплетаются въ лепетъ, въ полетъ вѣтерка.

Не сказка-ли — были? И былъ-ли тотъ древній

Размахъ исполинскій, чья рама — вѣка?

Но вотъ издалека, безвѣстно откуда,

Съ черты кругоёма, гульливъ, говорливъ,

Качая и тѣша пришествіе гуда,

Ужъ мчитъ, набѣгаетъ, подходитъ приливъ.

Объемъ переключки всѣхъ тѣхъ, чье хотѣнье

Гремѣло изъ пушекъ, свистѣло стрѣлой,

Кто долженъ былъ жаждасть — достичьъ отдаленья,
И шествовалъ громомъ, взлелѣяннымъ мглой.

Одни — потонули, другіе — убиты,
И худшую третью узнали печаль,
Что ломки былинки и хрупки граниты,
И близко-доступна дальнѣйшая даль.

Въ чемъ вольная воля? Не въ жаждѣ-ли воли?

А воля — неволя, коль воля — въ рукахъ.

Срываясь кометой, летишь не на дно-ли?

Не прахъ-ли нашъ вѣчный — въ чужихъ берегахъ?

Какая истома, какая тоска мнѣ

Всю призрачность видѣть земныхъ перемѣнъ.

Я пепель подъ Солнцемъ, я распятъ на
камнѣ,

Забытое знамя преломленныхъ стѣнъ.

Поеть, но не внемлетъ, просторъ Океана,

Онъ жаждетъ и точить, онъ хочетъ всего.

Добросилъ валы онъ изъ дальняго стана,

Во всемъ лукоморьи созвучья — его.

И вдругъ утоленье. Пронзаетъ услада.

Сверши назначеніе крови своей.

Пролей, если нужно. Чужую — не надо.

Но въ мірѣ свершеній — своей не жалѣй.

Неотцвѣтающая синь.

Какъ стихъ расскажетъ красоту,
Чей вѣчный смыслъ неисчерпаемъ?
Стрижи летятъ, и налету
Свистятъ, а мы внизу внимаемъ.
 Чѣмъ манитъ остро-четкій свистъ?
 Мы съ нимъ и въ немъ—на вольной
 волѣ,
 И самый нѣжный аметистъ,
 Сквозясь, цвѣтетъ въ небесномъ полѣ.
Какъ мысль расскажетъ Океанъ?
Въ себѣ раскрывъ окно прогалинь
И сказкой ставъ далекихъ странъ,
Чей зовъ и веселье, и печалень.
 Духовнымъ окомъ ластись къ сну,
 Который снится богоданно,
 И, чуя свѣжую волну,
 Пропой мгновенье, съ ней сліянно.
Чрезъ весь просторъ поетъ она,
Изъ края въ край спѣшитъ пѣвунья,
Сродни ей цѣльная Луна
И тонкій очеркъ Новолунья.
 Она качаетъ свѣтотѣнь,
 И сколько звонкихъ этихъ вѣстницъ,
 И въ каждой новая ступень
 Всходящихъ — падающихъ лѣстницъ.
Все то же Солнце въ вышинѣ,
Что въ первый часъ, на ранней грани,

И спитъ Лемурия на днѣ,
 Спитъ Атлантида въ Океанѣ.
 Все та же синь передъ тобой,
 Что уводила Одиссея,
 Все той же сказки голубой
 Неистребимая затѣя.
 Закинь свой неводъ повѣрнѣй,
 И сѣть, сплетенную лукаво,
 Изъ безднъ исторгни, — видишь, въ ней
 Добычи плещущая слава.
 И, если жаждешь взять свое,
 Въ ней диво-рыба попадется,
 Увидишь, взрѣзавши ее,
 Что древнѣй перстень въ ней смѣется.
 Побѣденъ свѣтлый смѣхъ боговъ,
 Не меркнетъ свѣтлый ликъ героевъ,
 Отъ береговъ до береговъ
 Разбѣгъ свершеній межъ устоевъ.
 Мы не свершили своего,
 Еще насъ давить день вчерашнѣй,
 Но — завтра ждетъ, зови его,
 И новый праздникъ вскинешь башней.
 Не о потопшихъ говорить
 Тотъ гулъ безмѣрный бездны синей, —
 О слити въ дѣльность новыхъ плитъ,
 О красотѣ взнесенныхъ ливнѣй.
 Когда же нашъ придетъ чередъ,
 Свершивъ, потонемъ въ синей сказкѣ,
 Но наша мысль, душистый медъ,
 Войдетъ въ узоръ иной завязки.
 Въ той дальней мглѣ грядущихъ лѣтъ
 Перемѣстятся океаны, —
 И, горный выдвинувъ хребетъ,
 Подводныя возникнутъ страны.

Морской пастухъ.

Морской пастухъ, брожу безмолвный
По содвигаемой чергѣ,
И въ свѣтъ дня пасу я волны,
А ночью звѣзды въ высотѣ.

Отливъ смежается съ приливомъ,
Тоска смѣняется во мнѣ
Порывомъ вольнымъ и счастливымъ,
И въ вышнемъ я тону огнѣ.

Вся малость въ сердцѣ спитъ глубоко,
И, къ вѣчнымъ празднествамъ спѣша,
Не человѣческое око,
Тѣхъ звѣздъ касается — душа.

Къ роднымъ потокамъ тяготѣя,
Весь прохожу я Млечный Путь,
И знаю, млѣя и нѣмѣя,
Что буду тамъ когда-нибудь.

Но, погостивъ въ краяхъ родимыхъ,
Уставъ скитаться въ вышинѣ,
Опять тону я въ синихъ дымахъ,
Въ подводныхъ пропастяхъ, на днѣ.

А вѣтеръ взвилъ мой бичъ пастушій,
Мой духъ, безсонный разумъ мой,
И Океанъ ночной все глуше
Гудитъ вѣщательно: „Домой!“

Сегодня ночью.

Сегодня ночью Океанъ
Гремѣль необычайно.
А въ сердцѣ — розы дивныхъ ранъ,
А въ рдяномъ сердцѣ — тайна.
Оно горитъ, — и вотъ онъ, садъ
Изъ огненныхъ растений.
Кругомъ полночный перекалъ,
Напѣвный гуль гудѣний.
Но что мнѣ сердце? Что мнѣ ночь
Въ беззвѣздности безлунной?
Что было здѣсь, умчалось прочь,
Я въ музыкѣ бурунной.
Какая тамъ виолончель.
Глубинныя рыданья.
Какой свирѣли тонкій хмѣль.
Разгулы трубъ. Гаданье.
Считаетъ мѣръ. Гадаю я.
Что мыслится тамъ въ небѣ?
Въ глухія стѣны бытія
Бьетъ молотомъ мой жребій.
Мой молотъ — быстрый молотокъ,
Незримый молоточекъ.
Ведетъ меня въ мой вѣрный срокъ,
Введетъ безъ проволочекъ.
И въ мѣръ царствуетъ разломъ,
Пришелъ къ намъ вѣкъ желѣзный.

Вскипай, огонь, безчинствуй, громъ,
 Раскройте зѣвъ свой, бездны.
Но пусть потопли острова,
 Гдѣ въ честь меня плясали.
Но пусть измяты всѣ слова,
 Разбиты всѣ скрижали.
Но пусть вода, но пусть огонь
 Мою терзають землю.
Я въ вихрѣ звуковыхъ погонь,
 Я Океану внемлю.
И въ дрожи дремлющихъ рѣсницъ
 Росинка, зыбь въ алмазѣ.
Сквозь Хаосъ, съ грохотомъ бойницъ
 Я въ неразрывной связи.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

(12-й вѣкъ).

Норвежская баллада.

Вокругъ Сицилійскихъ я плылъ береговъ,
Оружіе наше блистало.
Мой черный драконъ, преисполненъ бойцовъ,
Стремилъ достающее жало.
Валы разсѣкая средь ночи и дня,
Все взять я хотѣлъ своеюравно.
Но Русская дѣва отвергла меня.

Я бился въ Дронтгеймъ съ рядами враговъ,
И гуще ихъ были дружины.
На каждый ударъ былъ отвѣтный готовъ,
Меня не сразилъ ни единый.
Былъ конунгъ сраженъ мной. Бѣгущихъ гоня,
Служилъ мнѣ клинокъ мой исправно.
Но Русская дѣва отвергла меня.

Бѣлѣла вослѣдъ корабля полоса,
Насъ было шестнадцать, и буря
Раздула, вѣтрами наливъ, паруса,
Чело тученосное хмурия.
И бурю на бурю — на битву смѣня,
Побѣду я брать полноправно.
Но Русская дѣва отвергла меня.

И все въ удалствахъ мнѣ охота пришла
До крайняго вызнать изгиба.
Не выбьегъ горячій скакунъ изъ сѣдла,
Я плаваю въ морѣ, какъ рыба.
Когда — на конькахъ, я быстрѣе огня,
Весло и копье мое славно.
Но Русская дѣва отвергла меня.

И каждая дѣва съ любовью вдовой
Узнала, и это пропѣто,
Что всюду на югѣ встрѣчаю я бой
При пламенахъ первыхъ разсвѣта.
Зоветь меня Море, за край свой маю,
И даль мнѣ шумитъ многотравно.
Но Русская дѣва отвергла меня.

Я горецъ, рожденъ межъ обвѣтренныхъ скалъ,
На лукахъ тамъ звучны тетивы.
Стрѣлою я цѣль не напрасно искалъ,
Корабль мой — набѣгъ торопливый.
О камень подводный драконъ мой, стена
Задѣнетъ — и вынырнетъ плавно.
Но Русская дѣва отвергла меня.

Морской сказъ.

Людасу Гирть и встѣмъ друзьямъ въ Литвѣ.

Литва и Латвія. Поморье и Суоми.
Гдѣ между сосенъ Финнъ Калевалу пропѣлъ,
Межъ вашихъ говоровъ брожу въ родномъ я домѣ.
Вѣнецъ Прибалтики. Вѣщательный предѣлъ.
За моремъ — Швеція. Озера. Одесную —
Оплоть Норвегіи. Ошуйю — я ликую.

Тамъ гдѣ-то нѣкогда, — кто молвить точно, гдѣ? —
Свершилось — для меня единственное — чудо: —
Молился предокъ мой! И къ Утренней Звѣздѣ
Не онъ-ли пѣснь пропѣлъ, подъ именемъ Вельмуда,
Что по морямъ хотѣлъ настигнуть горизонтъ,
И сталъ позднѣй — Балмутъ, и сталъ — и есть —
Бальмонтъ?

Всегда въ хотѣніи невѣдомаго берега,
Я проплывалъ моря къ невѣдомой странѣ.
И, въ лѣтопись взглянувъ, я вижу близъ Олега
Вельмуда. Нестора читаю, весь въ огнѣ.
И голубой просвѣтъ ловлю родного взгляда: —
Прибилъ свой щитъ Олегъ на тѣхъ вратахъ Царь-
града.

Не указанье-ли, что съ дѣтскихъ дней во мнѣ
Неизъяснимая вражда къ красѣ Эллады?
Мой пращуръ бился тамъ, и на глубокомъ днѣ
Морскимъ царевнамъ пѣлъ, — какъ пѣлъ Садко, —
баллады.

Не память ли вѣковъ, бродячихъ и морскихъ,
Что синь морскую я всегда вливаю въ стихъ?

Когда впервые мнѣ, ребенку, дали браги,
Еще я мало что о вольномъ мірѣ зналъ,
Но гости, — мнилось мнѣ, — тѣ древніе Варяги,
Чей смѣлый дубъ-драконъ разсѣкъ сильнѣйшій
валь.

Черезъ полстолѣтія все то же въ сердцѣ пѣнье.
Я помню проблескъ тотъ. День Пасхи. Воскресенье.

Мнѣ говорила мать, что прадѣды мои
Бродили по Литвѣ. Когда-то. Гдѣ-то. Кто-то.
Отъ дѣтскихъ дней люблю журчащіе ручьи,
И странной прелестью пьянить меня болото,
Узорный дуба листь, луга, дремучій лѣсъ,
И садъ, и домъ отца, съ узорами завѣсъ.

Кто камыши пропѣлъ? Ахъ, что мы знаемъ! Ящеръ,
Что въ дни цвѣтенія Земли гигантомъ былъ,
Не ящерки-ли онъ, въ вѣкахъ забытый, пращуръ?
И въ искрѣ изъ кремня — не ста вѣковъ-ли пыль?
Я камыши пропѣлъ, какъ до меня не пѣли.
Но раньше пѣлъ Литвинъ, играя на свирѣли.

Чья пѣснь о лебедѣ Россію обошла?
Ее еще поютъ. Поютъ и въ чуждыхъ странахъ.
Кто въ яркій стихъ вложилъ мгновенный блескъ
весла,

Болотной лиліи красу и зорь румяныхъ?
Я говорю: Не я. Но кровь во мнѣ жива,
Въ чьемъ всплѣвъ, лебедемъ, пlying, поетъ Литва.

Я видѣлъ вѣщій сонъ. Безмѣрное болото.
Все въ бѣлыхъ лиліяхъ. Въ избѣ живетъ колдунъ.

Въ оконцахъ свѣтъ зари. Играетъ позолота.
Вѣдунъ перебиралъ перебѣганья струнъ.
Онъ пѣснь о Солнцѣ пѣлъ. Живетъ та пѣсня, Дайна.
Мнѣ чудится, тотъ сонъ мнѣ снился не случайно.

Не черный звался онъ, а Бѣлый Чаровникъ,
И было передъ нимъ Волшебное Болото,
Завороженное. Въ лѣсу и гуль, и кликъ.
Ломаетъ путь кабанъ. Уносится охота.
Колдунъ поетъ свой сказъ, лелѣя струнный звонъ,
Въ немъ путь, и пѣнный валъ, и черный дубъ-
драконъ.

Пѣвучій длился сказъ. Въ глухомъ лѣсу усадьба.
Въ ней много комнатокъ. Полна богатства клѣтъ.
Ярують медъ и хмѣль. И въ яркой яри свадьба.
Какъ лебединую отраднo пѣсню спѣтъ!
Любимый — не любимъ. Прощай, моя дубрава.
Иду я въ край иной. Предъ смѣлымъ всюду слава.

Иди, буланый конь. Люблю я звукъ копытъ.
Ужъ домъ родной — какъ дымъ, за синей гранью
взгорья.

Въ морской душѣ восторгъ морской не позабыть.
Впередъ. За ширь степей. Чу, рокотъ Черноморья.
И баламутилъ онъ, съ конемъ, и тамъ, и тутъ.
Мой прадѣдъ, дѣдъ отца, смѣльчакъ, боець, Балмутъ.

Какъ перелился сонъ и сталъ былымъ, столь явнымъ,
Отъ моря Чернаго плеснула кровь куда?
Нѣтъ, не назадъ въ Литву, къ убѣжищамъ дуб-
равнымъ,
За лѣсомъ Муромскимъ — любви зажглась звѣзда.
И сонъ того я сна. А гдѣ проснусь? Не знаю.
Хочу къ невѣдомо-единственному краю!

Имя - Знаменье.

Вязь сонетовъ.

1.

Ты, Солнце, мой отецъ, Свѣтильникъ Неба,
Луна — моя серебряная мать.
Вы оба возбранили сердцу лгать,
Храня мой духъ отъ черныхъ чаръ Эреба.

Лоза и колось, знакъ вина и хлѣба,
Мой гербъ. Мой пращуръ—пахарь. Нѣтъ, не тать.
Онъ — виноградарь. Онъ любилъ мечтать.
Любовь — души единая потреба.

Любовь и воля. Духъ и плоть одно.
Звени, напѣвъ, черезъ поля и доли.
Въ горахъ, въ степи. Въ лѣсу, гдѣ днемъ темно.

Укрой листвою стволъ, отъ стужи голый.
Спай примѣты въ звонкое звено.
Испивши Солнца, будь — пребудь — веселый.

2.

Кто предки? Скиѣы, Чудь, Литва, Монголы.
Древляне. Свѣтлоокій Славянинъ.

Шотландія. Гора и глубь долинъ.
Съ цвѣтовъ свой медъ вездѣ собирають пчелы.

Цвѣтокъ душистъ. Но это трудъ тяжелый
Составить улей, выбрать стволъ одинъ,
Развѣдавъ свойства многихъ древесинъ.
И капля меда — мудрость древней школы.

Кто предки? Вопрошаю снова я.
Бреду въ степи и вижу снова: Скиѣы.
Тамъ дальше? Озирись. Героглифы.

Праматерь-Дѣва: Индія моя.
Багдадъ, гдѣ спятъ свершители-калифы.
Предъ строгимъ Парсомъ — пламеней струя.

3.

Вести-ли нить къ истокамъ бытія?
Чуть что найдешь, ужь новое искомо.
Что люди мнѣ! Среди звѣрей я дома.
Сестра мнѣ — птица, и сестра — змѣя.

Меня училъ паукъ игрѣ тканья.
Кувшинки, цвѣтъ лѣснаго водоема,
И брызги молній съ долгимъ гуломъ грома,
И снѣгъ, и свистъ вѣтровъ — одна семья.

Люблю не человѣческое знанье,
А смыслъ неукоснительныхъ наукъ,
Что точно знаютъ бабочка и жукъ.

Въ одной — моей душѣ обѣтованье,
Въ другомъ — приказъ пролѣтъ упругій звукъ.
Въ моемъ гербѣ — лоза, и въ ней — вѣщанье.

4.

Она безгласно вынесла топтанье,
Проворныхъ въ пляскѣ, напряженныхъ ногъ,
И брызнулъ красный, лился бѣлый сокъ.
Она пережила пересозданье.

Въ безлюдное потомъ замкнута зданье,
Она ждала, хмѣлѣя, должный срокъ.
И влить въ хрусталь играющій потокъ,
Безумя умъ, вливая въ смѣхъ рыданье.

По городамъ, черезъ нее, гроза.
И пляшутъ, воспринявъ ее, деревни.
Въ ней крѣпкій духъ. Въ ней смыслъ
исконно-древній.

Въ ней острый ножъ. Въ ней нѣжные глаза.
И стихъ поетъ, все явственнѣй, напѣвнѣй,
Что хороша — среди песковъ — лоза.

5.

Когда звенить протяжно стрекоза,
Юль горить, свой ликъ воспламеняя.
Повсюду въ мірѣ мудрость есть живая,
И радугу хранить въ себѣ слеза.

Глянъ, васильки. Отъ Бога — бирюза.
Лазурь средь нивы — сказка полевая.
Крѣпчаетъ колось, зерна наливая.
Скрипятъ сноповъ тяжелые воза.

Серпы сверкали силой ятагана,
Но въ правой битвѣ съ твердостью стеблей.
Снопы — какъ алтари среди полей.

Мой пращуръ, ты проснулся утромъ рано,
И колось, полный власти талисмана,
Въ мой гербъ вковалъ на всю безбрежность
дней.

6.

Но вѣдалъ ты и мечъ. Среди зыбей
Верховныхъ тучъ, гдѣ древле, въ безднѣ синей,
Гремѣлъ Перунъ, грохочетъ Индра нынѣ,
Учился ты свергать ярмо цѣпей.

Прекрасна тишь. И мирный медъ испей.
Но, если ворогъ — волкъ твоей святынѣ,
Пусть брага боя, вмѣсто благостыни,
Кипитъ, пьяня. Оплоть врага разбей.

Лишь вольный міръ — подножіе амвона,
Достойнаго принять завѣтъ луча.
О, пращуръ сохи и съ ней меча!

Мой храмъ — Земля, но съ кровлей Небосклона.
Издревле кровь смѣла и горяча.
Сильнѣе — духъ. Отъ духа — оборона.

7.

Баалъ и Бэль былъ пламень Вавилона,
Надъ вышней башней — Солнца красный шаръ.

А Монту — богъ Луны, богъ нѣжныхъ чаръ,
Въ странѣ, гдѣ Нилъ свое качаетъ лоно.

Бальмонтъ — пѣвецъ всемірнаго закона,
Онъ долженъ славить солнечный пожаръ.
Лелѣять въ звукахъ вкрадчивый угаръ
Торжествъ весны и праздничнаго звона.

Увидѣвъ счастье, говорю: „Мое!“
Моя въ закатномъ небѣ пирамида.
Моя Земля. Люблю какъ Мать ее.

И помню, все измѣривъ бытіе: —
Бальмунгомъ звался свѣтлый мечъ Зигфрида.
Изъ мрака къ свѣту царствіе мое.

Въ звѣздной сказкѣ.

Я видѣлъ ибиса въ моемъ прозрѣннѣ Нила,
Фламинго розовыхъ, и сокола, что вьеть
Дискъ Солнца крыльями, остановивъ полеть,
Являясь въ рѣяннѣ какъ солнечная сила.

Тропическая ночь шикадами гласила,
Что въ древней Мексикѣ сама земля поеть.
Пчела Индѣйская мнѣ собирала медъ,
И были мнѣ цвѣты какъ пышныя кадила.

Въ Океаннѣ, въ ночь, вносился Южный Крестъ.
И птица-флейта мнѣ напѣла въ сердце ласку.
Я видѣлъ много странъ. Я знаю много мѣстъ.

Но пусть плѣнителенъ богатый міръ окрестъ.
Люблю я звѣздную Россіи снѣжной сказку,
И лѣсъ, гдѣ ликъ березъ — вѣнчальный ликъ
невѣсть.

Лѣстница сна.

Сначала раскрылось окно,
И снова закрылось оно,
А духъ опустился на дно.
 И сдѣлалась вдругъ тишина
Такою, какъ ей суждено
 Бывать, если встала Луна,
 Молчать, ибо свѣтитъ — она.
Сначала, въ сомкнутости глазъ,
Въ тотъ тихій тринадцатый часъ,
Возникъ отъ Луны пересказъ,
 Приникшихъ до чувства, лучей.
И гдѣ-то свѣтильникъ угасъ,
 И гдѣ-то блеснула горячѣй.
 Быль духъ равномерно ничей.
Потомъ распустился цвѣтокъ,
И онъ превратился въ потокъ,
Беззвучно-текучъ и глубокъ,
 Изъ красокъ, мѣнявшихъ свой цвѣтъ.
И духъ онъ тихонько увлекъ
 Въ качавшій всѣ тайны расцвѣтъ,
 Гдѣ путь задвигаетъ свой слѣдъ.
Тогда зачарованный слухъ,
Тогда обезумленный духъ
Зажегся, и снова потухъ,
 Въ себя запредѣльности взявъ.
Но тутъ звонкогласый пѣтухъ
 Пропѣлъ для разсвѣтныхъ забавъ.
 И росы блеснули межъ травъ.

Тайное вѣдѣнье.

Свѣтъ привидѣнный на сонныхъ ракетахъ
Бережно Мѣсяцъ ущербный кладеть.
Тайное вѣдѣнье въ вѣкахъ закрытыхъ
Глубже, чѣмъ вѣдаетъ солнечный счетъ.

Стрѣлки часовъ отъ зари до заката,
Время считая, до тайнъ не ведутъ.
Чаша цвѣтка передъ вечеромъ сжата,
Весь ароматъ ея замкнуть, но тутъ.

Сосредоточившись въ сумрачномъ бытѣ,
Копить онъ силу въ ночномъ бытїи.
Сказка ущерба скользитъ по ракетѣ,
Черпаютъ вѣдѣнье вѣки мои.

СФИНКСЫ.

Мы мелькаемъ — мы сфинксы — мы бабочки
ночи.
Мы проходимъ и рѣемъ, какъ шорохъ вершинъ.
Въ насъ зѣницы изъ тѣхъ же нѣмыхъ средоточій,
Гдѣ высокое Солнце — всегда властелинъ.
По расплавленнымъ зорямъ, въ волнахъ аромата,
Мы въ мгновенье роняемъ цвѣтное Когда-то.

Кругоемъ.

Вырвалась изъ творческаго лона,
Искра изъ горящаго костра,
Полная лелѣемаго звона,
Вотъ она, воздушная сестра.

Вырвалась душа для начинаній,
Бросила незыблемый оплотъ.
Въ полночи и въ огненномъ туманѣ
Быстрый устремляется полеть!

Къ самому далекому предѣлу
Первое движеніе крыла.
Къ лунному бѣлѣющему тѣлу,
Огненная въ лунное вошла.

Солнечная сдѣлалась полночной,
Звѣздною обрызгалась росой.
Рѣветъ-ли она въ ночи безсрочной?
Внизъ-ли устремляется съ грозой?

Чувствуя растущую истому,
Дѣлаетъ несчетные круги.
Бѣлая скользитъ по кругоему.
Зоркую минуту стереги!

Быстро сокращается вращенье.
Больше захвати голубизны.
Точка. Завершеніе. Рожденье.
Знай полеть примѣтъ, и вѣруй въ сны!

Первая любовь.

И вновь, какъ въ первый разъ, весна
Первоначальна и вѣжна.
И ткется въ памяти рассказъ,
Какъ полюбилъ я въ первый разъ.

Я былъ, но не былъ я поэтъ,
Мнѣ было слишкомъ мало лѣтъ.
Для словъ еще не прибылъ срокъ,
Но всюду чуялъ я намекъ.

И былъ и не былъ я поэтъ,
Но ясно видѣлъ ткань примѣтъ.
И разумѣлъ я птичій крикъ,
И зналъ, о чемъ поетъ родникъ.

Я зналъ, въ чемъ смыслъ и въ чемъ тутъ
счетъ,

Коль кошка мягко спину гнетъ,
И свой извивный хвостъ змѣнитъ,
А взоръ горитъ, какъ малахитъ.

По ржанью лошади слѣдилъ
Теченье злыхъ и добрыхъ силъ.
Смотря, какъ ухомъ конь прядетъ,
Читалъ я нечетъ или четъ.

По флейтѣ иволги, я ждалъ,
Чтобъ вешній громъ загрохоталъ.
И слышалъ въ звукѣ я другомъ,
Что напилась она дождемъ.

Призывъ малиновки въ кустахъ,
„Зи“, прерывный, взрывной страхъ,
Я зналъ, остерегалъ подругъ,
Что ястребъ близко чертитъ кругъ.

Ворчанье сэтѣра во снѣ,
Въ часъ зноя, говорило мнѣ,
Что и въ дремотѣ шлетъ онъ кличъ
И стойкой указываетъ дичь.

Раскатный голосъ пѣтуха,
Какъ возгласъ вѣщаго стиха,
И лучъ, лежащій на полу,
Вечернюю вѣщали мглу.

Мычанье медленныхъ коровъ
Мнѣ было вязью кроткихъ словъ,
Что добрый имъ уютъ въ хлѣву,
И что въ довольствѣ я живу.

Смѣясь, игралъ бичомъ пастухъ,
Онъ хлопалъ имъ и тѣшилъ слухъ.
И топотъ вспугнутыхъ овецъ
Гласилъ, что дню пришелъ конецъ.

Мнѣ было внятно, почему
Приходить ночь и стелеть тьму.
Мнѣ снились лѣстницы въ ночи,
Перила — звонкіе лучи.

И я всходилъ, и я сходилъ,
Быль звонъ кадилъ, и сшибки силъ.
Во снѣ и снахъ — какъ въ безднѣ мы,
Но всходитъ Солнце намъ изъ тьмы.

Весна. Нашъ деревенскій край —
Держава въ свѣтлый мѣсяцъ май.
Какъ скипетръ царскій — каждый сукъ,
Гдѣ шелестъ, листъ и пѣвчій звукъ.

Сережки вѣтеръ для березъ
Изъ кладовыхъ зимы принесъ.
Запястья всюду разбросалъ.
Бери, кто старъ. Бери, кто малъ.

Отвѣянъ утренній туманъ,
Весь лугъ нашъ — синій сарафанъ.
А тамъ, и тамъ, и тамъ — лужки,
Какъ красно-желтые платки.

На ивахъ сколько желтыхъ бусъ!
Межа — ширинка и убрूसъ.
Была отъ Солнца здѣсь игла,
И всѣ пруды какъ зеркала.

Увить кустами нашъ балконъ,
Въ сирени стонъ, жужжащій звонъ.
Въ ней пчелы, осы и шмели,
Средь слугъ созвучій — короли.

Та бабочка, что такъ бѣла,
Ее снѣжинка родила.
А махаонъ — игра желта,
Онъ изъ осенняго листа.

Тамъ возлѣ лужицъ путевыхъ
Какъ много малыхъ, голубыхъ!
Ихъ колокольчикъ голубой
Лукаво вытряхнулъ гурьбой.

А самъ съ невиннѣйшимъ лицомъ
Качаетъ синимъ бубенцомъ.
И чу, заводитъ: „Динь-динь-динь!
Я цвѣтомъ синь! Печаль закинь!“

И трясогузка, — бѣгъ красивъ, —
Свой мѣткій клювикъ устремивъ,
Танцуетъ въ бѣгѣ, слыша звонъ,
И хвостикъ гордо вознесенъ.

А ласточка тамъ далеко
Мнѣ кажется бѣлое брюшко.
Сама черна и черенъ глазъ.
Ея вы знаете-ли сказъ?

Весь круглый годъ была она
Въ бѣлѣйшій снѣгъ облечена.
Да захотѣлось за моря,
Взглянуть, какъ топится заря.

Летитъ и къ Морю держитъ рѣчь,
И угодила прямо въ печь.
Вся въ сажѣ, вырвалась едва,
Но уцѣлѣла голова.

И къ намъ. „Вездѣ я путь свой длю.
Но васъ — я васъ — я васъ люблю!“
Поеть, не вѣдая о чемъ,
И съ первымъ къ намъ летитъ лучомъ.

Летить — прыдетъ, сидить — поеть,
И отъ нея къ намъ въ сердце медь.
И снова въ Африку летѣть,
Смотрѣть, какъ тамъ готовятъ мѣдь.

У Фараона глянетъ въ счетъ,
Лукавымъ хвостикомъ вильнетъ.
И къ намъ. Догнать-ли кораблю?
„Я васъ — я только васъ люблю!“

И я люблю тебя, съ тѣхъ поръ,
Какъ существуетъ уговоръ
О, вѣстовщица, межъ тобой
И каждой Русскою избой.

Люблю цвѣты, звѣрей и птицъ,
И пряжу вѣщую зарницъ,
Во ржи цвѣтокъ лазурныхъ грезъ,
И вырѣвающій овесъ.

Люба мнѣ, мудрости примѣръ,
И гусеница землемѣръ: —
Свой мѣритъ листь, а сорвалась,
Есть шелковинка въ тотъ же часъ.

Тончайшій шелковый канатъ,
Въ родную зелень — путь назадъ,
И тамъ советъ себѣ коконъ,
И цвѣтокрылья ткеть сквозь сонъ.

Люблю и майскаго жука,
И трепетъ грустнаго смычка,
Вечеровой напѣвъ стрекозъ
О томъ, что лѣто пронеслось.

Я съ каждымъ годомъ все свѣтлѣй
Люблю летящихъ журавлей.
И я — случится — улечу
Къ недосяжимому лучу.

И это все, о, дальній мой!
Ты чаялъ повѣсти иной?
Ты думалъ — дамъ тебѣ припасть
Къ вину, чье имя въ мѣрѣ страсть?

Но какъ же быть мнѣ, самъ рѣши.
Я выросъ въ ласковой тиши,
И первая моя любовь
Мнѣ приказала: „Славословь!“

И славлю, славлю я съ тѣхъ поръ.
Изъ славы міру тку уборъ.
Я птичка-славка. Ты не зналъ?
Мой духъ великъ, хоть путь мой малъ.

Я славлю мудраго Отца,
И тайный, добрый свѣтъ лица.
И нынѣ снова возвѣстилъ
Расцвѣтъ всѣхъ душъ и свѣтъ всѣхъ силъ.

Основа.

1.

Желанна Духу крѣпкая основа,
Въ доспѣхахъ тяжкихъ — легкій витязь умъ.
Лишь взявъ размѣрный грузъ въ глубокой трюмъ,
Корабль — владыка бѣшенства морского.

Нужна для таинствъ мощная дуброва,
Друиды въ ней не праздный слышатъ шумъ.
Когда въ пустынѣ яростный самумъ,
Верблюды и тюкъ — оплотъ и вѣрность крова.

Въ незрячихъ дняхъ иди къ громадамъ горъ,
И ты поймешь, уставъ алкать святыни,
Что для величья нужны намъ твердыни.

Но только зовомъ правды честенъ споръ.
Стремленье — жизнь, отъ вѣка и донынѣ.
Острийнымъ взбѣгомъ въ высь красивъ соборъ.

2.

Острийнымъ взбѣгомъ въ высь красивъ соборъ.
Его кресту, отъ Солнца данъ привѣта,
Первѣе всѣхъ — мерцаніе разсвѣта,
Въ томъ сердца съ Міромъ тайный договоръ.

Для храма — высь. Такъ было съ древнихъ поръ.
Такъ будетъ впредь. Отъ перваго завѣта
До пѣсни, что мечтой еще не спѣта.
Въ томъ духу знакъ и въ томъ душѣ уборъ.

Все выше, выше. Свѣтлая отвага.
Всегда идти за дальнюю черту.
Высокъ, — узнай иную высоту.

Но не забудь: Вѣрна земная тяга.
И знай, стремя къ воздушному свой взоръ: —
Начало храма — каменный упоръ.

Начало храма — каменный упоръ,
И какъ бы въ мѣрѣ быть могло иначе?
Лишь въ твердомъ обойму мои задачи,
Лишь въ немъ преоборю земной мой соръ.

Дай мраморъ мнѣ. Изъ кедровъ дай мнѣ боръ.
И храмъ — мой домъ. А палъ онъ, — въ горькомъ
плачѣ

Прильну къ стѣнѣ послѣдней наипаче,
Къ былой святынѣ проскользну какъ воръ.

И буду биться, буду вѣрить снова,
Подъ ликомъ разнымъ, вѣчно — человекъ,
Индусъ-ли, Русскій, Эллинъ-ли, Ацтекъ, —

Что Богъ мой — Богъ, и больше нѣтъ другого.
До Моря — ходъ всѣхъ многоводныхъ рѣкъ.
Предъ взрывомъ словъ — вначалѣ было Слово.

4.

Предъ взрывомъ словъ — вначалѣ было Слово,
 Вездѣ, во всемъ, согласное, одно.
 Еще не различались высь и дно,
 Еще въ небесномъ не было земного.

Весь міръ — блаженство брачнаго алькова,
 Несчетность солнць и звѣздъ — къ звену звено.
 Воспламененье, бѣгъ, веретено,
 Безмѣрный гудъ напѣва волевого.

Во всемъ, что стали Небомъ звать потомъ,
 Распространялось рдяное цвѣтенье,
 Изъ пламени горячія растенья.

Цвѣты изъ молній. Лепестковый громъ.
 И, вѣщій, я, испивъ вина живого,
 Люблю разбѣгъ богатства травяного.

5.

Люблю разбѣгъ богатства травяного,
 Мнѣ желтые и красные цвѣты
 Суть тайнопись древнѣйшей темноты,
 Провзенной властью огненнаго зова.

Отъ розы и отъ ландыша лѣсного
 Доходитъ вѣсть той цѣльной красоты,
 Гдѣ въ Вѣчномъ — Онъ, и міръ, и я, и ты,
 Гдѣ каждое мгновеніе медово.

Жужжанье пчель — Его доселѣ хоръ,
 Начальность жизни въ жаворонка влита,
 О Немъ шуршитъ прирѣчная ракета.

Когда пою, веду съ Нимъ разговоръ.
Гроза и вихрь — безсмертная мнѣ свита,
Святая степь — душевный мой просторъ.

6.

Святая степь — душевный мой просторъ,
Съ звенящими, какъ греза, ковылями,
Съ волнистымъ вѣтромъ, вѣющимъ стеблями,
Берущимъ ихъ въ мгновенный переборъ.

Бѣгу тѣхъ мѣстъ, гдѣ каждый шагъ — заборъ.
Не медлю ни въ людской, ни въ волчьей ямѣ.
Я въ вольномъ, голубомъ, округломъ храмѣ,
Гдѣ всѣ цвѣта сплелись въ одинъ коверъ.

Благодарю Всемирное Горѣнье,
Мнѣ давшее негаснущую цѣль.
Я мысль. Я страсть. Я жизнь. Я взлетъ. Свирѣль.

Я — Божья правда радостнаго пѣнья.
А степь пройду, — найду иной просторъ,
Пою лѣса, поля, лазурь озеръ.

7.

Пою лѣса, поля, лазурь озеръ,
Весенній взметъ обильныхъ рѣкъ въ разливѣ,
Цвѣтъ золота разбросанный по ивѣ,
Зеленовѣйныхъ роцъ рѣзной узоръ.

Бросокъ челна, весь ткацкій станъ, хитеръ.
Подъ гудъ времянь, все ярче, прихотливѣй,
Снуется нить. Такъ вѣтеръ въ конской гривѣ,
Въ нее влетаясь, являетъ свой задоръ.

Звенять подковы сказочнаго кова.
Чей молотъ былъ? Какой ковачь коваль?
Оаннесъ? Одинъ? Озирись? Вааль?

Гремуцій Индра? Ярый Іегова?
Кто бъ ни былъ, но хранить въ себѣ закаль
Все старое, что сердцу вѣчно ново.

8.

Все старое, что сердцу вѣчно ново,
Таить въ себѣ примѣты, сѣмена.
Есть существа — во тьмѣ морскаго дна,
Окраска ихъ — багряна и багрова.

Ты хочешь-ли таинственнаго лова?
Разсмѣшать рѣчь, въ которой глубина?
Желай. Желанье — звонкая струна.
Пласты густые хотью взрой сурово.

Спусти свой лотъ въ глубокой водоемъ.
Нетронутые выбери предѣлы.
Узнаешь то, что знаютъ всѣ, кто смѣлы.

Есть свитокъ дней, и мы его найдемъ.
Но надо знать, — чтобъ смыслъ увидѣть цѣлый, —
Который часъ на берегу морскомъ.

9.

Который часъ на берегу морскомъ?
Когда пришла минута разлученья
Огня, земли и воднаго теченья,
И бывший другъ стихійнымъ сталъ врагомъ?

Не все возьмешь считающимъ умомъ.
Но есть неизъяснимое внушенье,
И рядъ зеркаль, и повѣсть отраженья
Въ провидческой душѣ, объятай сномъ.

Когда еще въ младенческой кровати
Лежить пророкъ, что вымолвить слова,
Которыми Вселенная жива, —

Надъ нимъ существъ нездѣшнихъ рѣютъ рати
И шепчутъ, какъ столитная листва,
Который часъ на звѣздномъ циферблатѣ.

10.

Который часъ на звѣздномъ циферблатѣ, —
Узналъ, въ свой мигъ, Сиддартха, Лаотзэ,
Всѣ тѣ, что насъ ведутъ въ ночной грозѣ,
Черезъ моря, пустыни, топи, гати.

Владычица созвучій, Сарасвати,
Сверкни въ мой стихъ, какъ свѣтитъ лучъ въ лозѣ,
Какъ небо задержалось въ бирюзѣ,
Какъ сумеречный часъ заснулъ въ агатѣ.

Дозволь мнѣ, въ начертаньи золотомъ,
Ты, мудрая на царственномъ павлинѣ,
Сгустить всѣ грозы въ ткущейся былинѣ.

Глядитъ-ли Вѣчность въ молнійный изломъ?
Прошелъ-ли Богъ по звуковой картинѣ?
Какъ мнѣ узнать? Мгновение — мой домъ.

11.

Какъ мнѣ узнать? Мгновеніе — мой домъ.
 Но одного мгновенья было надо,
 Чтобъ на крестѣ — разбойника — изъ ада —
 Взнести туда, гдѣ Свѣтлый Сынъ съ Отцомъ.

Въ одно мгновенье вѣнчанъ царь вѣнцомъ.
 Въ единый мигъ сгущенная прохлада
 Чернѣйшихъ тучъ зажечь огниво рада,
 И вотъ онъ, пламень съ огненнымъ лицомъ.

Скажите мнѣ, всевѣдуція птицы,
 Кто васъ училъ — крыломъ овѣять міръ?
 Кто строить семицвѣтный мостъ какъ пиръ?

Не слезы-ли отшедшей огневицы?
 Возьми свой свѣтъ, и заступъ свой, и ломъ.
 Есть златозернь. Земной расторгни комъ.

12.

Есть златозернь. Земной расторгни комъ.
 Мы можемъ изсѣкать движеньемъ воли
 Живой восторгъ изъ самой острой боли.
 Магнитомъ мысли къ тайнамъ духъ влекомъ.

Красиво быть въ себѣ и быть въ другомъ.
 Горячій кубокъ ходитъ въ синемъ полѣ,
 И будемъ пить мы золото, доколѣ
 Нечеловѣкъ засвѣтится въ людскомъ.

Не скорбь, не страхъ мнѣ слышится въ набатѣ.
 На крыльяхъ вихревыхъ онъ мчитъ меня
 На торжество творящаго огня.

Мы въ Смерти — не въ разлукѣ. а въ возвратѣ.
Всходя и нисходя, пльвя, звеня,
Хоти, — и причастишься благодати.

13.

Хоти, — и причастишься благодати.
Играя самоцвѣтомъ огонька,
Дрожала капля въ ковшикѣ листка,
Мечтая о лучѣ, о жаркомъ братѣ.

Всплыла съ другими дымкой въ бѣломъ платѣ
И знала путь скитанія, пока
Вся облачно-разливная рѣка
Не засверкала въ громовомъ раскатѣ.

Въ твердынѣ тучи пламенный былъ взломъ.
Изъ капель — грозное откровенье,
Изъ искры страсти — ста народовъ рдѣнье.

Уступы горъ должны дружить съ орломъ.
Изъ сѣмени — безмѣрное растенье.
Изъ сгустковъ дымки — молнія и громъ.

14.

Изъ сгустковъ дымки — молнія и громъ.
Изъ вещества — вся роскошь созиданій,
Отъ камня и руды до нѣжныхъ тканей,
Что мысль-паукъ тончайшимъ ткеть шатромъ.

Не скажетъ сказъ, не описать перомъ,
Какъ соразмѣрна мудрость въ ткацкомъ станѣ,

Пробѣгъ заколдованій въ талисманѣ,
Безплотный свѣтъ сгущается ядромъ.

Чолнъ, — поперекъ грядущаго покрова, —
Крученьемъ соблюдая должный срокъ,
По вдольнымъ нитямъ мысли — ткеть утокъ.

Костякъ одѣтъ и ткань златолилова,
Зубчаты бѣрда. Зѣвомъ шелъ челнокъ.
Желанна Духу крѣпкая основа.

15.

Желанна Духу — крѣпкая основа.
Острийнымъ взбѣгомъ въ высь красивъ соборъ.
Начало храма — каменный упоръ.
Предъ взрывомъ словъ — вначалѣ было Слово.

Люблю разбѣгъ богатства травяного,
Святая степь — душевный мой просторъ.
Пою лѣса, поля, лазурь озеръ,
Все старое, что сердцу вѣчно ново.

Который годъ на берегу морскомъ?
Который часъ на звѣздномъ циферблатѣ?
Что знаю я? Мгновеніе — мой домъ.

Есть златозернь. Земной расторгни комъ.
Хоти, — и причастишься благодати.
Изъ сгустковъ дымки — молнія и громъ.

Оглавленіе.

	Стр.		Стр.
Уйти туда	3	Зарубежнымъ братьямъ	46
Хочу	4	Съ Новымъ Годомъ	47
Знакъ	6	Первый дождь	49
Бубень	7	Солнечныя зарубки	50
Русь	9	Ау	51
Подвижникъ Руси	12	Заклятый домъ	52
Колоколь	14	Степной орель	54
Крѣплъ горькая	15	Здѣсь и тамъ	56
Русь	17	Я Русскій	57
Быль	20	Додневный знакъ	58
Русь	21	Предѣльное	59
Завѣтъ Пращуровъ	22	Съ тихимъ вечеромъ	60
Мѣдный Всадникъ	24	Обѣтованіе	62
Къ Казакамъ	25	Облако	63
Вѣщеносная	27	Тринадцать	64
Двѣнадцатый Годъ	29	Зима	65
Надъ зыбью незыблемое	31	Дремота	66
Работница	33	Сонная одурь	67
Зимняя	34	Одной	68
Неужужашія	36	Осень	69
Высокія судьбы	37	Мнѣ хочется	70
Ива	40	Глубже	71
Надпись на корѣ платана	42	Три терема	72
Колокольчикъ	43	Семизвѣздіе	73
Нѣжная тайна	44	Донная трава	75

Всезавладѣвающая	77	Утро — сказка	136
Колыбельная	79	Воспомианья	137
Мать	80	Совершенный покой	138
Отець	83	Въ далекой долинь	139
Я	84	Двое	142
Пологъ	87	Свитокъ	143
Водоворотъ	89	Сонъ прелестный	145
Осень	91	Ихъ перстень	147
Вечерь	93	Люблю я цвѣты	149
Ночь	95	Fuga idearum	151
Юность	97	Истаеваніе	153
Капля	99	Сонъ	154
Виолончель и скрипка	101	Летучій дождь	155
Судьба	105	Бѣлый лучъ	156
Жаждою далей	107	Море	157
Кладъ	109	Чась убыли	158
Тишь	111	Безлунныя ночи	160
Кто постучался?	113	Отъ Солнца	161
Въ горной долинь	114	Сказъ камня	163
Высокія горы	115	Неотцвѣтающая синь	165
Путь	116	Морской пастухъ	167
На лѣсной дорогѣ	117	Сегодня ночью	168
Святыя башмачки	119	Пѣснь Гаральда Смѣлаго	170
Свѣчою	121	Морской сказъ	172
Черная Вдова	122	Имя-знаменьє	175
Пѣсня дня и ночи	123	Въ звѣздной сказкѣ	180
Твоя отъ твоихъ	125	Лѣстница сна	181
Голось гобоя	127	Тайное вѣдѣнье	182
Сестра-ли ты?	128	Сфинксы	183
Капбретонъ	130	Кругоємъ	184
Сердцедуги	132	Первая любовь	185
Лѣсной стишокъ	133	Основа	191

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

- 1 и 2. Д. С. Мережковскій. — „Наполеонъ“ т. I и II.
- 3, 4 и 16. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій Домъ“, романъ т. I, II и III.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очерки.
6. З. Н. Гиппиусъ. — „Петербургскій дневникъ“. 1914-1918 гг.
7. Б. К. Зайцевъ. — „Разказы“.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въѣздъ въ Парижъ“, разказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разказы.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII вѣка“.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разказы.

Учебники:

- Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Печатаются:

17. Д. С. Мережковскій. — „Атлантида — Европа“.
18. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. I.
20. А. И. Купринъ. — „Колесо времени“, разказы.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
19. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. II.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. И. С. Шмелевъ. — „На морскомъ берегу“.

Печатается:

2. Е. А. Елачичъ. — „Сильные духомъ“, разказы.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный — „Румяная книжка“.

Цѣна 40 динарѣ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ.

Палата Академије Наука.

Јакшићева ул. бр. 2. Београд.